

СТЕФАНИ МАЙЕР

Сумерки

Стефани Майер

Сумерки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178054

Сумерки: АСТ, АСТ Москва, Харвест; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-121422-7

Аннотация

Сага, изданная суммарным тиражом более 85 миллионов экземпляров и переведенная на 37 языков.

Сага, занимавшая первые места в самых престижных национальных и международных списках бестселлеров.

Сага, экранизации которой, собиравшие невероятные кассы по всему миру, прославили целое поколение молодых звезд Голливуда, в том числе Роберта Паттинсона и Кристен Стюарт.

История обычной старшеклассницы из провинциального городка Беллы Свон, покоровшей сердца двух весьма необычных парней:

– выходца из аристократического вампирского клана Эдварда Каллена

– и бесстрашного индейца-оборотня Джейкоба Блэка.

История нелегкого выбора, опасных приключений, кровавых событий, трагических недопониманий, драматических открытий и всепобеждающей любви...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава первая	5
Глава вторая	31
Глава третья	55
Глава четвертая	70
Глава пятая	88
Глава шестая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Стефани Майер

Сумерки

*Он знает, что во мраке,
но свет обитает с Ним.
Пророк Даниил 2:22*

ПРОЛОГ

Раньше я не думала всерьез о смерти, хотя за последние месяцы поводов было предостаточно. Даже когда подобные мысли приходили в голову, я и представить не могла, что все случится именно так.

Затаив дыхание, я смотрела через большой зал прямо в счастливые глаза ищейки.

Отдать свою жизнь за другого человека, а тем более любимого, вне всякого сомнения, стоит. Это даже благородно!

Я понимала, что именно приездом в Форкс подвергла свою жизнь опасности, но не жалела об этом, несмотря на леденящий душу страх.

Когда сбываются самые заветные мечты, следует ожидать, что рано или поздно судьба предъявит тебе счет.

Ищейка ласково улыбнулся и медленно подошел ко мне.

Глава первая

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В аэропорт мы с мамой приехали на машине с открытыми окнами. В Финиксе было плюс двадцать пять, в бескрайнем голубом небе – ни облачка. Прощаясь с Аризоной, я надела свою любимую блузку, белую с шитьем, но в руках несла теплую парку.

На северо-востоке штата Вашингтон притаился маленький городок Форкс, где погода почти всегда пасмурная. Осадков там выпадает больше, чем на всей территории Соединенных Штатов. Из этого унылого, наводящего тоску города мама сбежала, прихватив меня, когда мне было всего несколько месяцев. До четырнадцати лет я каждое лето ездила в этот жуткий город, а потом взбунтовалась, и три последних лета мой отец Чарли брал меня на две недели в Калифорнию.

И вот я переезжаю в Форкс, причем по собственной воле. Решение далось мне нелегко, потому что этот городок я люто ненавидела.

Мне нравился Финикс с его ослепительно ярким солнцем, зноем, шумом и вечной неутомимостью.

– Белла, – позвала мама, и я догадалась, что она сейчас скажет. – Еще не поздно передумать, – в тысячу первый раз

предложила она.

Мы с мамой очень похожи, только у нее короткие волосы, а у глаз морщинки – она часто улыбается. Я заглянула в ее большие, по-детски чистые глаза, и сердце болезненно сжалось. Неужели я бросаю свою милую, любящую, недалекую маму? Конечно, теперь у нее есть Фил, который позаботится, чтобы счета были оплачены вовремя, холодильник не пустовал, и в машине хватало бензина, но все же...

– Хочу уехать, – твердо сказала я. Врать я все гда умела, а в последнее время так часто повторяла эти слова, что почти поверила в них сама.

– Передавай привет Чарли, – сдалась мама.

– Обязательно, – вздохнула я.

– Мы расстанемся ненадолго. Пожалуйста, не забывай, что можешь вернуться в любую минуту... Если что-то случится, позвони, и я за тобой приеду.

– Ни о чем не беспокойся, – уверенно отозвалась я. – Все будет в порядке. Мама, я тебя люблю!

Рене храбрилась, но я чувствовала, что она не до конца откровенна. Потом она прижала меня к себе, мы поцеловались, и я пошла сдавать багаж.

Итак, впереди четырехчасовой перелет до Сиэтла, затем пересадка, еще час до Порт-Анжелеса и, наконец, час езды на машине до Форкса. Летать мне нравилось, а вот целый час в машине с Чарли – это меня не радовало.

Нет, папа вел себя отлично и, казалось, искренне обрадо-

вался, что я решила перебраться к нему. Он уже записал меня в школу и обещал подыскать машину. Проблема заключалась в том, что ни меня, ни Чарли разговорчивыми не назовешь, да и обсуждать нам почти нечего. Вне всякого сомнения, мое решение уехать из Финикса немало его удивило. Как и мама, я не делала секрета из того, что ненавижу Фортс.

Порт-Анжелес встретил меня проливным дождем. Впрочем, я восприняла ливень не как дурной знак, а скорее как что-то неизбежное. С солнцем я уже попрощалась.

Папа приехал за мной на патрульной машине. Это я тоже предвидела, ведь для всех жителей Фортса Чарли – шеф полиции Свон. Вот почему, несмотря на стесненность в средствах, я решила купить собственный автомобиль – не хотела разъезжать по городу на машине с мигалками. Мне кажется, именно патрульные машины создают пробки на улицах.

Спускаясь по трапу самолета, я поскользнулась и упала прямо в объятия отца.

– Рад видеть тебя, Беллз, – промолвил он, осторожно опуская меня на землю. – Ты почти не изменилась. Как Рене?

– С мамой все в порядке. Я тоже рада встрече, папа. – Чарли я звала его только за глаза.

О чем же с ним разговаривать?

Багажа у меня было совсем немного. Аризонский гардероб для Вашингтона не подходил. Мы с мамой постарались купить побольше теплых вещей и потратили кучу денег, но того, что купили, явно не хватит.

– Я нашел тебе классную машину, и цена подходящая! – объявил отец, когда я устроилась на переднем сиденье и пристегнулась.

– Что за машина? – решила уточнить я. Почему-то мне не понравился тон, которым он сказал «классную».

– Ну, вообще-то это пикап, «шевроле».

– Где ты ее нашел?

– Помнишь Билли Блэка из Ла-Пуш? – Ла-Пуш – небольшая индейская резервация на побережье.

– Нет.

– Прошлым летом мы вместе ездили рыбачить, – подсказал Чарли. – А теперь он в инвалидном кресле и за руль уже не сядет, так что пикап отдает дешево.

Именно поэтому я не помнила Блэка. Мне всегда удавалось блокировать болезненные и ненужные воспоминания.

– И сколько пикапу лет?

По выражению лица Чарли я поняла, что этого вопроса он опасался.

– Ну, Билли вложил в мотор кучу денег, и работает он теперь как часы.

– Сколько лет пикапу? – Пусть Чарли не надеется, что я сдамся без боя!

– Билли купил его году эдак в 1984.

– Он купил его новым?

– Вообще-то, нет. А год сборки... ну, конец пятидесятых – начало шестидесятых, – нехотя признал Чарли.

– Чар... Папа, я же не разбираюсь в машинах и, если что-то сломается, починить не смогу. А на механика денег нет...

– Ради бога, Белла, тачка – просто зверь, таких больше не делают!

Что же, «зверь» звучит неплохо.

– И сколько Билли хочет за «зверя»? – В финансовых вопросах придется быть бескомпромиссной.

– Вообще-то я его уже купил и собирался тебе подарить. Добро пожаловать в Форкс, Белла!

Вот так! Бесплатно!

– Ну, зачем же, папа! Я вполне могу позволить себе купить машину.

– Да ладно! Хочу, чтобы тебе здесь понравилось! – заявил Чарли, внимательно наблюдая за дорогой. Особой чувствительностью отец не отличался. Наверное, это передалось и мне – отвечая, я старалась не встречаться с ним взглядом.

– Огромное спасибо, папа! Я очень рада! – Зачем напоминать, что в Форксе мне в принципе не могло понравиться. Совершенно необязательно портить настроение Чарли, тем более что дареному пикапу в зубы не смотрят.

– Ну что ты, Белла! Всегда пожалуйста! – смущенно пробормотал он.

Немного поговорив о погоде, для которой существовало только одно определение – «паршивая», мы стали молча смотреть в окна.

Справедливости ради стоит заметить, что за окном было

очень красиво. Море зелени: листва, мшистые стволы деревьев, на земле – толстый ковер из папоротника. Даже просачивающийся сквозь листья свет казался зеленым. Похоже, я попала на зеленую планету!

Наконец мы приехали к Чарли. Он по-прежнему жил в небольшом двухэтажном коттедже, который много лет назад купил для мамы. У дома – похоже, над ним не властно время – стоял мой «новый» пикап, блекло-красный, с большими закругленными крыльями и просторной кабиной. Как ни странно, «зверь» мне понравился. Неизвестно, как он ездит, но я могла легко представить себя за рулем. Такие пикапы я много раз видела в кино – без единой царапинки они гордо стоят в самом центре аварии, окруженные разбитыми всмятку легковушками.

– Папа, машина отличная, спасибо!

Теперь завтрашний день казался не таким страшным – не придется идти две мили до школы под проливным дождем или ехать на патрульной машине с Чарли.

– Рад, что тебе понравилось, – пробурчал отец, снова смущаясь.

Все мои вещи мы перенесли наверх за один заход. Чарли отдал мне западную спальню с окнами во двор. Эту комнату я хорошо знала, потому что, приезжая к отцу на лето, жила именно в ней. Деревянный пол, бледно-голубые стены, высокий потолок, пожелтевшие кружевные занавески на окнах – все это было частью моего детства. Чарли только купил боль-

шую кровать и письменный стол. На столе стоял старенький компьютер, а от модема тянулся провод к телефону. На модеме настояла мама, чтобы мы постоянно были на связи. В потертом кресле-качалке сидели мои старые куклы.

Ванная одна на два этажа, так что придется делить ее с Чарли. Да, перспектива не самая радужная.

Одно из лучших качеств Чарли – ненавязчивость. Подняв по лестнице мои сумки, он ушел, чтобы я могла спокойно распаковаться и устроиться. Мама на такие подвиги не способна!.. Как здорово, что можно побыть наедине с собой, бездумно смотреть на дождевые капли и немного поплакать. Хотя нет, реветь я сейчас не буду, оставлю это удовольствие на ночь. Тем более что завтра в школу.

В средней школе Форкса было триста пятьдесят семь, а со мной триста пятьдесят восемь учащихся. В Финиксе только на моей параллели училось больше! Местные жители мобильностью не отличаются, так что мои одноклассники знают друг о друге всю подноготную. Меня же и через пять лет будут считать новенькой.

Жаль, что я не выгляжу, как типичная жительница Аризоны: высокая, светловолосая, загорелая, страстная поклонница пляжного волейбола. Все это не обо мне, хотя большинство моих подруг попадают под это определение. Кожа у меня оливковая и никакого намека на голубые глаза и светлые или хотя бы рыжеватые волосы. Фигура стройная, однако не атлетичная: полное отсутствие координации и плохая реак-

ция исключили меня из всех видов спорта.

Выложив одежду на низкий сосновый столик, я достала туалетные принадлежности и пошла мыться. Посмотрев на себя в зеркало, аккуратно расчесала влажные спутанные волосы. Надеюсь, все дело в освещении, – цвет лица казался желтоватым и каким-то болезненным. Моя кожа бывает сияющей и полупрозрачной, особенно если наложить макияж, но сегодня я не красилась.

Даже наплакавшись вдоволь, я долго не могла заснуть. Мешали постоянный шум дождя и шелест ветра. Я накрылась одеялом с головой, а потом положила сверху подушку, но сон пришел только после полуночи, когда дождь превратился в морось.

Выглянув утром в окно, я увидела лишь густой туман. Сквозь грязно-серые тучи не проникало ни одного солнечного луча, и я почувствовала себя словно в клетке.

Завтрак прошел спокойно, и Чарли пожелал мне удачи в школе. Я старалась отвечать как можно вежливее, прекрасно понимая, что он надеется зря – мы не особенно дружны с удачей. Чарли ушел первым – похоже, его настоящим домом был полицейский участок. Оставшись одна, я осмотрела небольшую кухню: квадратный дубовый стол, три совершенно разных стула, темная обшивка стен, ярко-желтые ящики шкафа и белый линолеум. В желтый цвет ящики выкрасила мама восемнадцать лет назад, надеясь заманить на кухню солнце. К кухне примыкала крошечная гостиная, где над ка-

минной полкой стояли фотографии в рамках. Первой шла свадебная фотография мамы и Чарли в Лас-Вегасе. На второй они, молодые и счастливые, забирали меня из роддома. Затем – серия моих школьных снимков, включая последний. Смотреть на них мне было неловко. Надо попросить Чарли, чтобы он их убрал.

Легко догадаться, что после мамы здесь не жила ни одна женщина. Почему-то мне стало не по себе.

Появляться в школе первой не хотелось, но и оставаться в этом доме я больше не могла. Надев куртку, толстую и неудобную, я вышла на улицу, достала спрятанный под карнизом ключ и закрыла дверь. Тяжелые сапоги неприятно хлюпали по грязи. Как же мне не хватало привычного хруста гравия!..

Я остановилась, чтобы в очередной раз восхититься своим пикапом. Нужно было скорее спрятаться от холодной мглы, липшей к волосам, и я надела капюшон.

В кабине было очень чисто. Наверняка в ней убрался Чарли или Билли, кожаная обивка сидений пахла табаком, бензином и мятной жвачкой. На мое счастье мотор завелся быстро, правда с оглушительным ревом. Что же, у такого старого пикапа должны быть недостатки. Заработало даже древнее радио. Мелочь, а приятно.

Найти школу оказалось несложно, хотя я никогда раньше ее не видела. Как и во многих других городах, она находилась прямо за автострадой. Большинство улиц Форкса пе-

ресекали город с востока на запад и обозначались одной из букв алфавита. Итак, школа была на пересечении Восточной улицы В и Спартан-авеню. Почему-то название «Восточная улица В» показалось мне смешным, и я захихикала. Да, нервы сдают.

Сама школа была совершенно непримечательной – несколько зданий из темно-красного камня, и только вывеска «Средняя школа Форкса» говорила о его назначении. К тому же вокруг корпусов росло столько деревьев и кустарников, что я не сразу смогла определить истинный размер каждого. «А где же дух школы? – с тоской подумала я. – Где высокая ограда и металлоискатели на входе?»

Я припарковалась у первого из корпусов, дверь которого украшала маленькая табличка с надписью «Администрация». На стоянке не было ни одной машины, так что день, скорее всего, неприемный. Тем не менее лучше войти и узнать расписание, чем блуждать под дождем. Нехотя выбравшись из теплой кабины, я зашагала по каменной дорожке, постучалась и, сделав глубокий вдох, вошла.

В административном корпусе было очень светло и теплее, чем я ожидала. Маленький кабинет канцелярии оказался довольно уютным: складные кресла для посетителей, яркая ковровая дорожка, множество плакатов и объявлений на стенах, громко тикающие часы. Я насчитала больше десяти растений в пластиковых горшках, будто на улице недостаточно зелени! Невысокая стойка, заваленная папками с яркими

ярлыками, делила кабинет пополам. За стойкой – три стола, за одним из которых сидела крупная рыжеволосая женщина в очках. Незнакомка была в джинсах и бордовой футболке, и я тут же почувствовала себя непривыкшей к холодам южанкой.

Женщина подняла на меня глаза. Так, судя по цвету бровей и волос на затылке, она шатенка, причем довольно темная.

– Чем я могу вам помочь? – спросила администратор. Видимо, она привыкла видеть в канцелярии знакомые лица.

– Изабелла Свон, – представилась я, и женщина понимающе кивнула. Меня здесь ждали с явным любопытством: дочь шефа Свона и его ветреной жены возвращается в родной город!

– Ну, конечно! – воскликнула администратор и лихорадочно стала что-то искать в большой стопке документов. – Вот ваше расписание и карта школы, – наконец объявила она, положив на стойку несколько листов.

Администратор рассказала о предметах, которые мне предстояло изучать, и объяснила, где находятся нужные классы и лаборатории. Затем вручила формуляр, его, с подписями преподавателей, я должна была вернуть в конце дня.

– Надеюсь, в Форксе тебе понравится! – с чувством проговорила женщина.

Я постаралась, чтобы улыбка получилась искренней и благодарной.

Когда я вышла на стоянку, там уже почти не было свободных мест. До начала первого урока времени оставалось немного, и я решила объехать территорию школы. Хорошо, что у большинства студентов машины подержанные, как и у меня. В Финиксе мы жили в бедном районе, по иронии судьбы примыкавшем к новому престижному кварталу, так что увидеть на школьной стоянке новенький «мерседес» или «порше» было обычным делом. Здесь же самой лучшей машиной был сияющий «вольво», сильно выделяющийся на общем фоне. Я припарковалась в самом неприметном месте, чтобы рев двигателя не привлек лишнего внимания. Сидя в машине, я изучала карту, стараясь разобраться и запомнить как можно больше. Ходить по кампусу, уткнувшись носом в карту, совершенно не хотелось. Ну все, похоже, готова. Я сложила сумку, повесила ее на плечо и снова глубоко вдохнула. «Все будет в порядке, – повторяла я и сама себе не верила, – никто меня не съест». Шумно выдохнув, я вышла из пикапа.

Подняв воротник и опустив капюшон до самых бровей, я постаралась смешаться с шумной толпой подростков. Моя черная куртка в глаза не бросалась, и это радовало.

Я быстро нашла кафетерий, а за ним и нужный мне корпус № 3. Огромная черная тройка красовалась на квадратном белом наличнике. Дверей оказалось всего четыре, так что найти нужную будет несложно. Между тем колени дрожали все сильнее, и на ватных ногах я прошла за двумя фи-

гурами в джинсовых плащах-унисекс.

Какие маленькие классы в этой школе! Вошедшие передо мной сняли плащи и повесили на крючки, и я последовала их примеру. Джинсовые фигуры оказались девушками – пепельная блондинка и смуглая шатенка. Ну что же, цвет моей кожи здесь никого не удивит.

Я подала формуляр на подпись преподавателю, которого, судя по табличке на столе, звали мистер Мейсон. Прочитав мое имя, Мейсон окинул меня оценивающим взглядом, и я тут же покраснела до кончиков ушей. Хорошо хоть на заднюю парту посадил! Таращиться на меня будет значительно труднее. Впрочем, моих новых одноклассников это не смутило. Я сделала вид, что изучаю список литературы. Обычный набор авторов: Бронте, Шекспир, Чосер, Фолкнер. Почти все книги из списка я уже прочла и почувствовала облегчение с примесью разочарования. Интересно, согласится мама прислать мне файл со старыми сочинениями или станет поучать, что жульничать нехорошо? Вполуха слушая монотонный рассказ учителя, я перебирала в уме аргументы, которые могли бы убедить маму.

Наконец прозвенел звонок, звук которого показался каким-то гнусавым, и долговязый прыщавый парень подошел ко мне, явно желая пообщаться.

– Ты ведь Изабелла Свон? – широко улыбаясь, спросил он.

– Белла, – уточнила я. Все, кто находился в радиусе трех метров, так и застыли с тетрадами в руках.

– Какой предмет у тебя дальше? – поинтересовался парень, и мне пришлось лезть в сумку за расписанием.

– Политология у мистера Джефферсона в шестом корпусе. – Я не знала, куда смотреть – повсюду блестящие от любопытства глаза.

– Я иду в четвертый корпус, так что могу проводить! – Боже, от него просто так не отделаешься... – Кстати, меня зовут Эрик.

– Спасибо, – неопределенно ответила я.

Мы надели куртки и вышли под дождь, который только усилился. Почему-то мне показалось, что кто-то идет за нами по пятам и подслушивает. Надеюсь, у меня не прогрессирующая паранойя!

– Что, не очень похоже на Финикс? – спросил Эрик.

– Да уж.

– Наверное, дождей там почти не бывает?

– Почему, бывает, несколько раз в год.

– Не представляю, как же без дождя?! – изумленно воскликнул парень.

– Ну, солнце светит, – объяснила я.

– Что-то ты не очень загорелая, – заметил Эрик.

– У меня мама – альбинос.

Парень внимательно на меня посмотрел, и я вздохнула. Видимо, дождь и чувство юмора несовместимы. Пара месяцев – и я забуду, что такое сарказм.

Мы обогнули столовую и подошли к южным корпусам, со-

седствующим со спортивной площадкой. Эрик довел меня прямо до двери, наверное, опасаясь, что я могу заблудиться.

— Ну ладно, пока, — попрощался он, когда я толкнула дверь, — надеюсь, мы будем часто видеться. — В голосе парня было столько надежды!

Я ободряюще улыбнулась и вошла.

Утро прошло в том же духе. Учитель тригонометрии, мистер Варнер, который не понравился мне с первого взгляда, выставил меня перед классом и велел рассказать о себе. Я густо покраснела, говорила тихо, путаясь в словах, а когда шла к своему месту, споткнулась и чуть не упала.

После двух уроков я стала потихоньку запоминать имена. В каждом классе находилась пара ребят посмелее, которые подходили знакомиться и спрашивали, нравится ли мне Форкс. Я старалась быть вежливой и врала напропалую. Зато мне ни разу не понадобилась карта!

С одной девушкой я сидела на тригонометрии и испанском, а потом мы вместе пошли на ленч. Моя новая знакомая была миниатюрной, сантиметров на десять ниже меня, но шапка темных кудрей скрадывала разницу в росте. Ее имени я не запомнила и рассеянно улыбалась и кивала, в то время как она без остановки болтала об учителях и уроках.

Мы сели за столик к ее подругам, и она нас познакомила. Признаюсь, я тут же забыла, как кого зовут, тем более что девушки оказались куда более робкими, чем их кудрявая знакомая.

Парень с английского, Эрик, помахал мне с другого конца зала.

Именно тогда, во время ленча, болтая с новыми знакомыми, я впервые увидела их.

Их было пятеро, они сидели в самом дальнем углу, не разговаривали и не ели, хотя перед каждым стояло по подносу с едой. Меня они не замечали, так что я могла тайком их разглядывать, не боясь нарваться на любопытный взгляд. Однако мое внимание привлекло вовсе не отсутствие интереса с их стороны.

Уж больно разными они были! Из трех парней один – крупный, мускулистый, как штангист, с темными выющими-ся волосами. Другой – медовый блондин, выше, стройнее, но такой же мускулистый. Третий – высокий, неопрятный, со спутанными бронзовыми кудрями. Он выглядел моложе своих друзей, которые могли быть студентами университета или даже преподавателями.

Девушки тоже принадлежали к разным типам. Одна высокая, стройная, с длинными золотистыми волосами и фигурой фотомодели. Именно такие часто появляются на обложках глянцевого журналов. По сравнению с ней остальные девушки в столовой казались гадкими утятами. Вторая, миниатюрная брюнетка с задорным ежиком, больше всего напоминала эльфа.

И все же было у них что-то общее: они казались мертвенно бледными, бледнее любого студента, живущего в этом ли-

шенном солнечного света городе. Даже бледнее меня, альбиноски во втором поколении. Несмотря на разный цвет волос, глаза у всех пятерых были почти черные, а под ними – темные круги, похожие на огромные багровые синяки. Словно они не спали несколько ночей или сводили синяки после драки, где им переломали носы. Однако носы, как и остальные черты лиц, были благородными, словно профили королей на старых монетах.

Но даже не по этой причине я не могла отвести глаз от странной пятерки.

Я смотрела на них, потому что никогда в жизни не видела ничего прекраснее, чем их лица, разные и одновременно похожие. В школе заштатного городка таких не увидишь – только на обложках журналов и полотнах голландских мастеров. Трудно сказать, кто был самым красивым: статная блондинка или парень с бронзовыми волосами.

Они смотрели куда-то вдаль и не видели ни друг друга, ни остальных студентов. Вот похожая на эльфа девушка встала и, захватив поднос с нетронутым десертом и целым стаканом колы, направилась к выходу изящной походкой манекенщицы. Я зачарованно наблюдала, как брюнетка выбросила ленч, к которому даже не прикоснулась и, грациозно покачивая бедрами, выпорхнула из столовой. Нехотя, я стала прислушиваться к тому, о чем говорили за моим столом.

– Кто сидит там? – спросила я кудрявую девушку, лихорадочно вспоминая ее имя. Она обернулась, чтобы увидеть,

какой именно стол я имею в виду, хотя по моему восторженному голосу могла обо всем догадаться. В тот самый момент парень с бронзовыми кудрями, поднял голову и посмотрел сначала на мою знакомую, а потом на меня.

Красавец тут же отвел глаза, даже быстрее, чем я. В его мимолетном взгляде не было ни капли интереса – будто моя соседка назвала его по имени, и он инстинктивно отреагировал, хотя разговаривать с ней не собирался.

Девушки за моим столом глупо захихикали.

– Это Эдвард и Эмметт Каллен, а также Розали и Кэри Хейл. Миниатюрная брюнетка, которая ушла, – Элис Каллен. Они живут все вместе в семье доктора Каллена, – чуть слышно сказала девушка с темными кудрями.

Я украдкой взглянула на самого молодого в этой странной компании – он рассеянно смотрел на поднос с едой, тонкие длинные пальцы отщипывали маленькие кусочки от рогалика. Четко очерченные губы чуть заметно двигались, значит, парень что-то им говорит, хотя его родственники безучастно смотрят вдаль. Станные у них имена, таких уже давно не дают! Хотя, кто знает, может, в Форксе старые имена на пике моды!.. Я наконец вспомнила имя моей кудрявой соседки. Джессика! Вот это – самое подходящее имя для моей сверстницы. В Финиксе у нас в каждом классе было по две-три Джессики.

– Они выглядят... необычно, – промямлила я. С каких пор я перестала говорить то, что думаю?

– Да уж, – нервно усмехнулась Джессика. – Они всегда держатся вместе, я имею в виду Эммет-та и Розали, Кэри и Элис, и живут вместе! – Сказано это было с осуждением. Наверняка их осуждают все жители маленького городка. Хотя, должна признать, в Финиксе о такой красивой семье тоже ходили бы сплетни.

– Которые из них Каллены? – спросила я. – Что-то особого сходства не видно.

– Естественно! Они же все приемные! Доктор Каллен еще молод, ему слегка за тридцать. Хейлы (они оба блондины) – близнецы, Каллены взяли их на воспитание.

– Они слишком взрослые, чтобы брать их на воспитание.

– Сейчас – да. Кэри и Розали восемнадцать, они живут у миссис Каллен уже десять лет. Она их тетя или какая-то дальняя родственница.

– Молодец миссис Каллен! Заботится о приемных детях, хотя сама еще совсем молода!

– Да, наверное, – нехотя согласилась Джессика, и мне показалось, что она почему-то недолюбливает доктора и его жену. Судя по тому, как она смотрит на их приемных детей, дело в элементарной зависти. – По-моему, миссис Каллен бесплодна...

Слушая девушку, я продолжала смотреть на странную четверку, апатично разглядывавшую стены.

– Давно они в Форксе? – спросила я, удивляясь, что не видела эту семью, когда приезжала летом.

– Нет, – проговорила моя соседка таким тоном, будто ответ был очевиден. – Переехали два года назад с Аляски.

Я почувствовала прилив жалости и какое-то облегчение. Жалость – потому что, несмотря на красоту, они всегда будут здесь чужими. Значит, я не единственная новенькая в этой школе и, к счастью, не самая заметная.

Заинтригованная, я продолжала рассматривать их. Самый младший из парней, очевидно Каллен, снова на меня взглянул. На этот раз он смотрел с интересом, и, отводя взгляд, я успела заметить в его карих миндалевидных глазах что-то вроде разочарования.

– Как зовут парня с рыжеватыми волосами? – спросила я, украдкой наблюдая за красавцем. Он все еще смотрел на меня, но не с любопытством, в отличие от большинства студентов. Интересно, что его так разочаровало?

– Эдвард. Он, конечно, душка, но можешь не тратить на него время. Этот гордец ни с кем не встречается. Очевидно, наши девушки для него недостаточно хороши, – с явной обидой проговорила Джессика. Неужели Каллен успел ее отшить?

Стараясь спрятать улыбку, я закусила губу и снова посмотрела на Эдварда. Он отвернулся, но на щеках появились ямочки, будто он тоже улыбался.

Через несколько минут все четверо поднялись из-за стола. Как изящно они двигаются! Даже высокий «штангист» обладал грацией танцора. Жаль, что они уходят... Эдвард Каллен

даже не обернулся.

Я засиделась с Джессикой и ее подругами и чуть не опоздала на следующий урок. Неприятности мне ни к чему, особенно в первый день. Одна из моих новых знакомых, которую звали Анжела, тоже шла на биологию. По дороге мы почти не разговаривали – девушка очень стеснялась.

Мы вошли в класс, и Анжела села за заднюю парту. К сожалению, сосед у нее уже был. Оставалось только одно свободное место в среднем ряду. Спутанные бронзовые волосы, карие глаза – мне предстояло сидеть с Эдвардом Калленом.

Тайком наблюдая за Эдвардом, я подала формуляр учителю. Когда я проходила мимо, парень окинул меня ледяным взглядом. Откуда столько злобы? От неожиданности я споткнулась и чуть не упала. Сидящая рядом девица захихикала.

Миндалевидные глаза оказались не карими, а черными как уголь.

Мистер Баннер подписал мой формуляр и выдал учебник, не задавая глупых вопросов. Похоже, с ним мы поладим. Естественно, он предложил мне сесть с Калленом. Вперив глаза в пол, я подошла к парте, за которой мне предстояло сидеть рядом с *ним*.

Глядя прямо перед собой, я положила учебник на парту и села, краем глаза заметив, что Каллен заерзал. Он двигал стул к самому краю парты, подальше от меня... морщась, будто от дурного запаха! В полном замешательстве я поню-

хала свои волосы; они пахли зеленым яблоком – аромат моего любимого шампуня. По-моему, со мной все в порядке. Я опустила прядь на самые глаза, словно темный занавес между мной и Калленом. Что же, буду слушать мистера Баннера.

К сожалению, лекция была посвящена молекулярной анатомии, которую я уже изучала. Пришлось слушать и записывать во второй раз.

Удержаться я не смогла и через занавес темных волос нет-нет да поглядывала на своего странного соседа. Он целый урок просидел на краешке стула, стараясь держаться как можно дальше от меня. Я заметила, что его левая рука сжалась в кулак, а под бледной кожей проступили жилы. Да, похоже, парень не из спокойных. Длинные рукава темной рубашки завернуты до локтей, и я увидела, как играют мускулы. Субтильным Эдвард казался только рядом с дородным братцем.

Казалось, урок тянется бесконечно. Интересно, это потому что он предпоследний, или потому что я ждала, пока разожмется страшный кулак? Так и не дождалась. Каллен словно прирос к краешку стула. В чем дело? Неужели он всегда так себя ведет? Похоже, Джессика не так уж и не права, что не любит эту семью. Наверное, дело тут не только в зависти.

Проблема не может быть во мне, ведь Эдвард совсем меня не знает!

Я еще раз взглянула на Каллена и горько об этом пожале-

ла. Черные глаза полыхнули такой ненавистью, что я невольно сжалась. В тот момент до меня дошел смысл выражения «убить взглядом».

Как только прозвенел звонок, Эдвард вскочил и бросился вон из класса. Оказывается, он на целую голову выше меня!

Я будто приросла к стулу и тупо смотрела вслед Каллену. Ну почему он так со мной, за что? Словно во сне, я собирала вещи, пытаясь побороть переполнявший меня гнев. Когда я злюсь, дело всегда кончается слезами, а рыдать в самый первый день не хотелось.

– Ты Изабелла Свон? – раздался мужской голос.

Оглянувшись, я увидела симпатичного парня, светлые волосы которого с помощью геля были разделены на мелкие пряди. Судя по дружелюбной улыбке, его мой запах не смущал.

– Белла, – мягко поправила я.

– Меня зовут Майк.

– Рада познакомиться, Майк.

– Хочешь, помогу найти следующий класс?

– Вообще-то у меня физкультура. Думаю, спортзал я найду.

– Я тоже иду в спортзал! – радостно воскликнул Майк. Наверное, в такой маленькой школе подобные совпадения случаются довольно часто.

Мы вместе вышли во двор. Парень трещал без умолку, но назойливым не казался. Он приехал в Форкс из Калифорнии

десять лет назад и тоже скучал по солнцу. Как хорошо, что у нас общий английский, мы сядем вместе! Похоже, Майк – самый приятный из моих сегодняшних знакомых.

– Слушай, что ты сделала с Эдвардом Калленом? – смеясь, спросил Майк, когда мы входили в спортзал. – Парень был явно не в себе!

Я вздрогнула. Значит, мне не показалось, и Каллен не со всеми ведет себя так по-свински. Что же, придется притвориться идиоткой.

– Каллен – это тот парень, с которым я сидела на биологии? – простодушно спросила я.

– Угу, – кивнул Майк. – Как только ты к нему села, у него будто живот заболел.

– Не знаю, – покачала головой я, – мне он не жаловался.

– Да он точно больной! – Новый знакомый топтался возле меня, вместо того, чтобы идти в мужскую раздевалку. – Если бы случилось чудо, и тебя посадили со мной, я бы времени зря не терял!

От его искреннего восхищения мне стало немного легче.

Мистер Клапп, преподаватель физкультуры, подобрал мне форму, но переодеваться не заставлял – в первый день я могла наблюдать за занятиями с трибуны. В Финиксе физкультуру в старших классах посещали только по желанию, а здесь она была обязательной. Да, хуже не придумаешь!

Наблюдая за четырьмя волейбольными партиями одновременно, я вспомнила, сколько травм получила и сколько

подруг потеряла, играя в волейбол, и меня замутило.

Наконец прозвенел звонок. Облегченно вздохнув, я понесла формуляр в канцелярию. Дождь кончился, зато подул холодный сильный ветер. Я брела, опустив капюшон на глаза и втянув руки в рукава.

А войдя в теплый административный корпус, тут же испуганно попятилась к двери – у стойки администратора стоял Эдвард Каллен. Спутанные бронзовые волосы я узнала мгновенно. Кажется, он не слышал, как хлопнула дверь. Я прижалась к стене и вся обратилась в слух.

Низким, очень приятным голосом Каллен спорил с администратором. Понять чего он добивается, не составило никакого труда – ему хотелось перенести шестой урок биологии на любой другой день.

Не может быть, что все дело во мне. Наверняка что-то случилось еще до того, как я вошла в кабинет биологии. Мало ли какие неприятности могут быть у парня! С чего ему меня ненавидеть?

Входная дверь открылась, и порыв ветра разметал лежащие на стойке бумаги и мои волосы. Маленькая девочка молча передала администратору какую-то папку и ушла. Эдвард Каллен медленно повернулся, и черные глаза снова окатили меня холодной волной ненависти. Даже искаженное гримасой злобы, его лицо, казалось прекрасным. На долю секунды я почувствовала какой-то животный страх – в этом парне есть что-то дьявольское! Всепоглощающий ужас отступил,

но мне еще долго было не по себе.

— Что же, ничего не поделаешь! — произнес Каллен низким бархатным голосом. — Пусть все останется, как есть! Простите, что отнял у вас столько времени. — Повернувшись на каблук, он быстро вышел на улицу.

На трясущихся ногах я подошла к стойке и протянула формуляр.

— Как прошел первый день? — спросила сидящая за стойкой женщина.

— Все отлично. — Мой голос дрожал, поэтому ответ прозвучал неубедительно.

Когда я подошла к пикапу, стоянка уже почти опустела. Как же уютно в кабине! Похоже, в этой промозглой дыре именно пикап станет мне настоящим домом. Думая о том, что случилось сегодня, я молча смотрела на лобовое стекло и довольно скоро замерзла. Все, пора ехать! Мотор взревел, и я поехала к Чарли, на ходу вытирая слезы.

Глава вторая

ОТКРЫТАЯ КНИГА

На следующий день все было гораздо лучше, проще... и одновременно сложнее.

День был лучше, потому что не шел дождь, хотя небо затянули густые облака. Он оказался проще, потому что я знала, чего ждать. Майк сидел со мной на английском и проводил меня на следующий урок под гневным взглядом Эрика. Мне было очень лестно! На меня обращали куда меньше внимания, чем вчера, а на ленч я пришла с большой компанией, в которой были Майк, Эрик, Джессика и еще несколько студентов, которых я знала по именам. Отношения потихоньку налаживались.

Второй день оказался сложнее, потому что я чувствовала себя разбитой – заснуть под жуткие завывания ветра мне удалось с трудом. Хуже, потому что на тригонометрии мистер Варнер задал мне вопрос, и я ответила неверно. Пришлось играть в волейбол, и после моей подачи мяч угодил в голову девушке из другой команды. День был ужасным, потому что Эдвард Каллен не пришел в школу.

Все утро я с тревогой ждала ленча и полных ледяной ненависти взглядов. Иногда мне даже хотелось подойти к этому красавцу и спросить, в чем дело. Ночью, лежа без сна, я при-

думала целую речь. Однако обманывать себя ни к чему, у меня не хватит смелости заговорить с Калленом первой!

Мы с Джессикой вошли в столовую. Оглядев зал, я увидела странных родственников, однако Эдварда среди них не было.

Тут нас нагнал Майк и повел к столику, за которым сидели его друзья. Джессике льстило мужское внимание. Я старательно прислушивалась к общему разговору, а сама с замиранием сердца ждала появления Эдварда. Может, я все придумала, и он обычный самовлюбленный павлин? Однако Каллен так и не пришел, и я нервничала все сильнее.

С тяжелым сердцем я пошла на биологию. Меня провожал Майк, расписывающий достоинства рет-риверов. Затаив дыхание, я открыла дверь – Каллена в классе не оказалось и я пошла к своему месту. Майк не отставал ни на шаг и делился планами на летние каникулы, пока не прозвенел звонок. Грустно улыбнувшись, парень направился к своей парте, за которой сидел вместе с темнокожей девушкой. Печально, с Майком придется что-то делать. В маленьком городке нужно вести себя очень осторожно, а я чрезмерным тактом не отличалась, да и друзей у меня почти не было.

Сидеть за партой в одиночестве очень даже удобно. По крайней мере, я старалась себя в этом убедить. Однако избавиться от навязчивой мысли, что Каллен пропустил школу из-за меня, оказалось непросто. Наивно предполагать, что я произвела на незнакомого парня такое сильное впечатление.

Бред какой-то!

Наконец прозвенел последний звонок; едва оправившись от того, что случилось на физкультуре, я бросилась в раздевалку и переоделась в джинсы и темно-синий свитер. К счастью, мне удалось ускользнуть от Майка и лекции о ретриверах. Я припустила на стоянку, чтобы уехать раньше моих новых знакомых. Не желая ни с кем общаться, укрылась в кабине и стала рыться в сумке, проверяя, все ли на месте.

Вчера вечером выяснилось, что из еды Чарли способен приготовить только яичницу. Я вызвалась ежедневно готовить завтрак и ужин, и отец с радостью передал мне ключи от кладовки. В доме почти не было продуктов. Я составила список, взяла деньги из жестяной банки с надписью «На еду» и после школы решила заехать в супермаркет.

Я повернула ключ зажигания, и мотор тут же огласил стоянку душераздирающим грохотом. Не обращая внимания на затыкающих уши студентов, я стала дожидаться своей очереди выехать за школьные ворота. Делая вид, что ужасный звук издает другая машина, я заметила Калленов и близнецов Хейлов, которые усаживались в новенький «вольво». Ну, конечно же! Завороженная дивной красотой лиц, я не обращала внимания на одежду и только сейчас отметила, что вещи на них очень простые, но явно дорогие, скорее всего из авторских коллекций. С такой внешностью и грацией они и в лохмотьях привлекали бы всеобщее внимание. Деньги и красота – это уже слишком! Хотя такое встречается сплошь

и рядом. Но Калленам и Хейлам это скорее всего лишь навредило бы.

Нет, проблема здесь не только в Форксе и его нравах. Похоже, Калленам нравится находиться в изоляции. Трудно представить, что местные жители не пытались до них достучаться.

Как и все остальные, Каллены покосились на мой пикап. Я смотрела прямо перед собой и, когда выехала за пределы школы, вздохнула с облегчением.

Супермаркет находился неподалеку, всего через несколько улиц к югу от школы. Для Форкса он был довольно большим, и здесь я почувствовала себя в своей тарелке. Есть на что посмотреть, и не слышно набившего оскомину дождя. В Финиксе именно я покупала продукты, поэтому и тут быстро нашла то, что нужно.

Приехав к Чарли, я разложила продукты по своему усмотрению. Надеюсь, папа не будет возражать. Обернув крупные картофелины фольгой, я поставила их в духовку и замариновала отбивные.

Кажется, все. Я поднялась на второй этаж, переоделась в сухие брюки и толстовку и собрала влажные волосы в хвост. Пожалуй, проверю электронную почту, прежде чем приступить к урокам.

В моем ящике было три новых сообщения.

«Белла, — писала мама, — пожалуйста, ответь как можно

скорее! Как долетела? Надеюсь, дождь тебе еще не надоел. Я очень скучаю! Вещи для Флориды почти собрала, но не могу найти розовую кофточку. Куда она запропастилась? Фил передает привет. Целую, мама».

Вздыхнув, я открыла второе письмо, мать послала его через восемь часов после первого.

«Белла! Почему ты мне не отвечаешь? Мама».

Последнее было отправлено сегодня утром.

«Изабелла! Если до половины шестого не получу ответа, позвоню Чарли».

Я посмотрела на часы. Половина пятого. Зная мою мать, лучше поспешить.

«Мама, успокойся, сейчас напишу обо всем подробно. Прошу, не делай глупостей! Белла».

Отправив первое письмо, я тут же принялась за второе.

«Мама! У меня все отлично. Дождь льет как из ведра. Школа ничего, только программа немного отстает от Финикса, и мне придется кое-что повторить. У меня уже есть

друзья, мы вместе ходим на ленч.

Розовая кофточка в химчистке, ее нужно было забрать в пятницу.

Представляешь, Чарли купил мне пикап! Довольно старый, но вполне надежный, а для меня это главное.

Я тоже соскучилась. Как появятся новости, напишу. Не волнуйся, со мной все в порядке! Целую, Белла».

По литературе мы проходили «Грозовой перевал», я решила его перечитать и так увлеклась, что едва услышала, как пришел Чарли. Я опрометью бросилась на кухню, достала картофель и положила мясо на противень.

– Белла? – позвал отец, услышав мои шаги на лестнице.

Интересно, а кого еще он ожидал увидеть?

– Привет, папа! С возвращением!

– Спасибо. – Он разулся и отстегнул кобуру, наблюдая, как я ношусь по кухне. Насколько я знала, на работе ему ни разу не приходилось применять оружие, но пистолет он постоянно держал наготове. В детстве, когда я приезжала в гости, отец всегда вынимал патроны, а пистолет прятал. Очевидно, теперь он считает меня достаточно взрослой, чтобы случайно прострелить себе голову, и достаточно разумной, чтобы не сделать это нарочно.

– Что на ужин? – осторожно спросил Чарли. Мама любила экспериментировать, хотя ее шедевры далеко не всегда оказывались съедобными. Похоже, он не забыл их даже за сем-

надцать лет!

– Печеный картофель и отбивные, – ответила я, и отец вздохнул с облегчением.

Наверное, ему было неловко стоять без дела, он прошел в гостиную и включил телевизор. Пока отбивные подрумянивались, я приготовила салат и накрыла на стол. Все, можно звать Чарли!

– Пахнет очень вкусно, – с одобрением сказал он.

– Спасибо!

Несколько минут мы ели молча. Тишина не тяготила ни Чарли, ни меня. Думаю, мы с ним уживемся.

– Как тебе школа? Успела завести друзей? – спросил отец, расправившись с салатом.

– Ну, на тригонометрии и испанском я сижу с девушкой по имени Джессика, мы вместе ходим на ленч. А еще мне понравился Майк, такой высокий и светловолосый. С ним не заскучаешь! Да и остальные студенты тоже ничего, за одним-единственным исключением.

– Высокий и светловолосый – это, наверное, Майк Ньютон. Славный парень, и семья хорошая. Его отцу принадлежит магазин спорттоваров в предместьях Форкса. Дела у него идут неплохо.

– А Калленов ты знаешь? – нерешительно спросила я.

– Доктора Каллена и его семью? Конечно. Доктор – замечательный человек.

– Боюсь, его дети... э-э... не так популярны. В школе их

не любят.

К моему удивлению, Чарли разозлился.

– Чего и следовало ожидать! – пробормотал он. – Доктор Каллен – великолепный хирург и мог бы работать в любой клинике мира, зарабатывая в сто раз больше, чем у нас. Нам очень повезло, что он живет здесь, что его жена захотела поселиться в нашем городе. Для Форкса он настоящая находка, а его дети прекрасно воспитаны. Когда Каллены приехали, я боялся, что у них будут проблемы – столько подростков, причем доктор не скрывал, что все они усыновленные. Однако Каллены оказались порядочнее, чем многие молодые люди, чьи семьи живут здесь из поколения в поколение. Естественно, они держатся вместе – они ведь семья. Но в городе Каллены недавно, а надо же обывателям кого-то обсуждать!

Признаюсь, такой длинной тирады я от Чарли не ожидала. Кажется, его волнует все, что говорят в городе.

– Каллены довольно милые, – пошла я на попятную, – просто держатся особняком, вот и все. Странно, они ведь такие симпатичные!

– Ты еще доктора не видела! – рассмеялся отец. – Хорошо, что он женат. Хотя половина медсестер и так сходит по нему с ума...

Остаток ужина прошел в тишине, а потом Чарли помог мне убрать со стола и снова сел перед телевизором, а мне пришлось мыть посуду. Вручную! Посудомоечных машин отец не признавал.

Я нехотя поднялась в свою комнату, где меня ждала домашняя работа по математике. Кажется, папа тоже не любит точные науки.

Ночь оказалась на удивление тихой, и я быстро уснула.

Остаток недели прошел спокойно. Я привыкла к школе, а к пятнице знала в лицо почти всех студентов. Девушки из волейбольной команды научились меня страховать и делали мне пас только в присутствии физрука.

Эдвард Каллен на занятия не приходил.

Каждый день я видела, как его родственники появляются в столовой без него. Только тогда я могла расслабиться и участвовать в общей беседе. В основном, обсуждали поездку к океану в Ла-Пуш, которую Майк с друзьями собирались совершить через две недели. Меня тоже позвали, и я согласилась, скорее из вежливости, чем из желания куда-то ехать. Надеюсь, на побережье посуше и потеплее.

В пятницу я шла на биологию, ничего не опасаясь. Похоже, Эдвард окончательно забросил школу. Думать о нем не хотелось – я до сих пор не могла избавиться от мысли, что как-то связана с его странным отсутствием.

Первые выходные в Форксе не были богаты событиями. Чарли дежурил, я убиралась, делала домашнюю работу и написала маме ободряющее письмо. В субботу съездила в местную библиотеку; она оказалась такой бедной, что я решила не записываться. За книгами буду ездить в Олимпию или Си-

этл. Прикинув, сколько уйдет на бензин, я ужаснулась.

Все выходные шел дождь, но несильный, так что я отлично выпалась.

В понедельник утром на стоянке я встретила много знакомых. Все приветливо улыбались и желали удачной недели. Утро выдалось особенно холодным, зато без дождя. На английском я как обычно сидела с Майком, писали тест по «Грозовому перевалу».

Можно сказать, что пока я привыкала гораздо быстрее, чем надеялась, и чувствовала себя вполне комфортно.

Когда мы вышли из класса, в воздухе летали белые хлопья. В школьном дворе царило радостное возбуждение. Чему они радуются? Я чувствовала, как от холода краснеют уши и нос.

– Вау! – закричал Майк. – Снег идет!

Я растерянно смотрела на танцующие в воздухе хлопья, из которых медленно росли сугробы.

– Да уж, снег... – Куда пропало хорошее настроение?

– Ты не любишь снег?

– Нет. Снег всегда означает холод. К тому же мне казалось, что сначала падают снежинки, такие красивые шестилучные, похожие на звезды.

– Ты что, никогда раньше не видела снегопад? – недоверчиво спросил Майк.

– Почему же, видела, – ответила я. – По телевизору.

Ньютон засмеялся и покачал головой. В тот самый момент

большой снежок ударил его по затылку. Мы оба стали лихорадочно оглядываться по сторонам, пытаюсь определить, кто его швырнул. Я подозревала Эрика, который быстрым шагом шел прочь, к спортзалу, хотя по расписанию у него тригонометрия. Очевидно, Майк думал то же самое, потому что, нагнувшись, зачерпнул снега.

– Увидимся за ленчем, хорошо? – спросила я, переминаясь с ноги на ногу. – Игра в снежки не для меня.

Парень кивнул, не сводя глаз с удаляющейся спины Эрика.

В то утро все только и говорили, что о снеге. Как же, первый снегопад в этом году... Я сидела, кисло поджав губы. Снег – это конечно здорово, а вот мокрые ноги – не очень.

После испанского мы с Джессикой бегом бросились в столовую. Воздух бороздили снежки, и я держала перед собой большую папку, готовая отбиваться. Джессика не понимала, как можно ненавидеть снег, но кинуть снежок в меня не решалась.

У самого входа нас нагнал Майк. Гель в его волосах замерз, и он стал похож на ежа. Пока мы стояли за едой, они с Джессикой шумно радовались снегу. Заскучав, я машинально взглянула в дальний конец зала и буквально приросла к месту. За столом сидели пятеро.

Джессика дернула меня за рукав.

– Белла, чего ты копаешься?

Неожиданно на глаза навернулись слезы. «Я тут ни при

чем, — повторяла я про себя, — меня это не касается».

— Что с ней? — спросил у Джессики Майк.

— Ничего особенного, — ответила я. — Пропал аппетит. Пожалуй, я выпью содовой и все.

— Как ты себя чувствуешь? — испуганно спросила Джессика.

— Просто голова кружится, — промямлила я, рассматривая носки ботинок.

Я подождала, пока Джессика и Майк выберут еду, и, не поднимая глаз, прошла за ними к столику. Глотнула содовой... по закону подлости немедленно заурчало в желудке. Майк дважды спросил, все ли со мной в порядке. Я отнекивалась невпопад, лихорадочно соображая, не пойти ли мне в медпункт, чтобы отпроситься с биологии.

Абсурд какой-то, зачем мне бежать?

Я решила взглянуть на Калленов один-единственный раз. Если Эдвард буравит меня взглядом, я пропущу биологию, как последняя трусиха.

Не поднимая головы, я украдкой посмотрела на пятерку из-под опущенных ресниц. Никаких буравящих взглядов. Немного ободренная, я расправила плечи.

Каллены смеялись. Волосы Эдварда, Эмметта и Кэри были мокры от тающего снега. Элис и Розали визжали, отворачиваясь от холодных капель. Парни трясли волосами прямо на них!

Однако дело было не в смехе и игривом настроении; изме-

нилось что-то еще, а что именно, я понять не могла. Я внимательно посмотрела на Эдварда. Сегодня он был гораздо румянее, возможно, от игры в снежки. Темные круги под глазами исчезли почти полностью. Нет, суть перемен не только в цвете лица. Тогда в чем же дело?

– Белла, на кого ты смотришь? – неожиданно перебила мои мысли Джессика.

В этот самый момент я встретила глазами с младшим из Калленов и тут же опустила голову, прячась за темной завесой волос. Наши взгляды пересеклись лишь на секунду, но я была готова поклясться, что в этот раз в его глазах не было ни лютой ненависти, ни всепоглощающей злобы.

– На тебя смотрит Эдвард Каллен, – прошептала Джессика.

– Надеюсь, он не злится? – не удержавшись, спросила я.

– Нет, – удивленно ответила Джессика. – С чего ему злиться?

– По-моему, я ему не нравлюсь. – Меня замутило, и я закрыла лицо руками.

– Калленам никто не нравится. Вернее, они всех презирают. А Эдвард по-прежнему на тебя смотрит!

– Перестань на него пялиться! – прошипела я.

Джессика хихикнула, но взгляд отвела, а я подняла глаза, в случае чего готовая к решительным действиям.

Тут нас перебил Майк, собиравшийся после уроков устроить массовую игру в снежки. Естественно, мы должны были

биться на его стороне!

Джессика с радостью согласилась. Судя по тому, как она смотрит на парня, она поддержит любое его предложение. Я молчала, с тоской думая, что придется прятаться в библиотеке.

Остаток ленча я просидела, вперив глаза в пластиковый стол. Уговор дороже денег, даже если сделка заключена с собственной совестью. Взор Калле-на не был свирепым, значит, я иду на биологию. От перспективы сидеть рядом с ним мне стало плохо.

Идти по школьному двору с Майком не хотелось – чувствую, он любитель поиграть в снежки! Однако, подойдя к двери, я услышала, что мои спутники чуть не рыдают от отчаяния. Пошел дождь, превративший снег в островки серого льда. Тайно злорадствуя, я надела капюшон. Отлично, после физкультуры я смогу пойти прямо домой.

Всю дорогу к четвертому корпусу пришлось слушать селования Ньютона.

Войдя в класс, я увидела, что за моей партой никто не сидит, и вздохнула с облегчением. Повесив мокрую куртку на крючок, я села на место, достав учебник и блокнот. Мистер Баннер кружил по классу, раздавая микроскопы и предметные стекла. До начала урока оставалось еще несколько минут, и студенты оживленно болтали. Огромным усилием воли я заставила себя не смотреть на дверь, лениво водя карандашом по обложке блокнота.

Вот скрипнул стул – за мою парту кто-то подсел. Я сделала вид, что увлечена рисованием.

– Привет, – произнес низкий грудной голос.

Неужели со мной заговорил Каллен?! Не в силах поверить в чудо, я подняла голову. Как и в прошлый раз, парень сидел на самом краешке парты, но его стул был повернут в мою сторону. С растрепанных бронзовых волос капала вода, однако выглядел он так, будто минуту назад снялся в ролике, рекламирующем шампунь. На ослепительно красивом лице сияла улыбка. Впрочем, глаза оставались настороженными.

– Меня зовут Эдвард Каллен, – невозмутимо продолжал парень. – На прошлой неделе я не успел представиться. А ты, наверное, Белла Свон?

У меня голова шла кругом. Может, мне все показалось? Ведь сейчас Эдвард безукоризненно вежлив. Очевидно, он ждал моего ответа, а я не могла придумать ничего подходящего.

– Откуда ты знаешь мое имя? – запинаясь, пролепетала я. Смех Каллена напоминал звон серебряного колокольчика.

– Ну, здесь оно известно каждому. Весь город с замиранием сердца ждал твоего приезда!

Я поморщилась. Эдвард, конечно, издевается, однако в его словах есть доля правды.

– Вообще-то, я имела в виду, почему ты назвал меня Беллой? – продолжала допытываться я.

– Ты предпочитаешь «Изабеллу»? – удивился Каллен.

– Нет, мне больше нравится «Белла». Просто Чарли, то есть мой отец, за глаза зовет меня Изабеллой, и на первых порах все называют меня именно так, – объясняла я, чувствуя себя полной идиоткой.

– Ясно, – только и ответил Каллен.

Крайне раздосадованная собственной глупостью, я отвернулась.

К счастью, в тот момент мистер Баннер начал урок. Я попыталась сосредоточиться, слушая задания на сегодняшнюю лабораторку. Лежащие в коробках предметные стекла с клетками корня репчатого лука были спутаны. Вместе с соседом по парте нам предстояло разложить их по порядку, в соответствии с фазами митоза, причем без помощи учебника. Через двадцать минут Баннер проверит, как мы справились.

– Можете приступать! – скомандовал он.

– Леди желает начать? – криво улыбнулся Эдвард.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Если хочешь, начну я, – проговорил он уже без тени улыбки, видимо, приняв меня за слабоумную.

– Нет-нет, все в порядке, – густо покраснев, сказала я.

Если честно, я блефовала. Я уже делала эту лабораторку и знала, что искать. Не должно возникнуть никаких проблем. Я вставила первый препарат и настроила микроскоп на сорокакратное увеличение.

– Профаза! – объявила я, мельком взглянув в окуляр.

– Можно посмотреть? – попросил Эдвард, увидев, что я вынимаю препарат. Пытаясь меня остановить, он легонько коснулся моей руки. Его пальцы были ледяными, будто всю перемену он держал их в сугробе. Но вовсе не поэтому я отдернула руку так поспешно. От ледяного прикосновения кожа вспыхнула, а по всему телу разнеслись электрические импульсы.

– Прости, – пробормотал Эдвард, поспешно убирая руку подальше от моей. Однако от мысли заглянуть в окуляр микроскопа он так и не отказался.

В полном недоумении я наблюдала, как парень изучает препарат.

– Профаза, – согласился Каллен, аккуратно вписывая это слово в первую колонку таблицы. Затем вставил второй препарат и рассмотрел его. – Анафаза, – провозгласил он, тут же заполняя вторую колонку.

– Можно мне? – надменно поинтересовалась я.

Ухмыльнувшись, он придвинул микроскоп ко мне. Заглянув в окуляр, я почувствовала досаду. Черт побери, он прав!

– Препарат номер три? – попросила я, протягивая руку.

Эдвард осторожно передал мне приборное стекло, стараясь не касаться моей ладони.

На этот раз я не смотрела в окуляр и секунды.

– Интерфаза!

Каллен еще не успел попросить, а я уже двигала микроскоп к нему. Парень мельком взглянул на препарат и занес

результат в таблицу. Я и сама могла сделать запись, но почерк у Эдварда оказался настолько изящным, что мне не хотелось портить страницу своими каракулями.

Мы закончили раньше всех. Я видела, как Майк с соседкой в немом отчаянии смотрят на коробку с препаратами. Еще одна пара тайком листала учебник.

Всеми силами я старалась не глазеть на Каллена. Тщетно. Он сам смотрел на меня, причем с тем же необъяснимым разочарованием. Тут я и поняла, что изменилось в лице парня по сравнению с прошлой неделей.

– У тебя линзы?

– Линзы? Нет! – Мой вопрос явно застал его врасплох.

– В прошлый раз мне показалось, что у тебя глаза другого цвета.

Эдвард только плечами пожал.

И все же цвет изменился! Я отлично запомнила бездонную черноту его глаз, выливших на меня столько ненависти. Я еще подумала, что такой оттенок совершенно не сочетается с бледной кожей и рыжеватыми волосами. Сегодня же радужка была цвета охры с теплыми золотыми крапинками. Разве такое возможно, если, конечно, он не врет про линзы? Или Форкс с бесконечными дождями сводит меня с ума?

Опустив взгляд, я увидела, что Каллен снова сжал кулаки.

К нашей парте подошел мистер Баннер, очевидно, обеспокоенный тем, что мы не работаем. Увидев заполненную таблицу, он удивился и стал проверять ответы.

– Эдвард, кажется, ты не подумал, что Изабелле тоже неплохо бы поработать с микроскопом? – саркастически спросил учитель.

– Она любит, чтобы ее называли «Белла», – рассеянно поправил Каллен. – Я определил только две фазы из пяти.

Мистер Баннер скептически посмотрел на меня.

– Ты уже делала эту лабораторку? – догадался он.

– Да, но не на луковом корне, – робко улыбнулась я. Каллен кивнул, будто ожидал, такого ответа.

– На сиговой бластуле?

– Да.

– Ну, – задумчиво протянул мистер Баннер, – очень удачно, что вы сели вместе. – Пробормотав что-то еще, он ушел к своему столу.

– Ты ведь не любишь снег, верно? – спросил Эдвард. Мне показалось, что он с трудом заставляяет себя со мной общаться. Неужели в столовой он подслушал наш разговор с Джессикой, а теперь прикидывается дурачком?

– Не очень, – честно ответила я.

– И холод тебе не нравится, – это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

– И сырость тоже, – добавила я.

– Наверное, Форкс не самое лучшее место для тебя, – задумчиво проговорил Эдвард.

– Очень может быть.

Мои слова удивили Каллена.

– Зачем ты тогда приехала? – не спросил, а скорее потребовал ответа он.

– Ну, это сложно...

– Попробую понять, – настаивал Эдвард.

Я долго молчала, но потом не выдержала и посмотрела на него. Роковая ошибка – попав в плен теплых золотых глаз, я начала рассказывать, как на исповеди.

– Мама снова вышла замуж...

– Ну вот, а ты говоришь, что сложно, – мягко и сочувственно проговорил Эдвард. – Когда это случилось?

– В сентябре, – грустно сказала я.

– И ты не поладила с новым отчимом? – предположил Каллен.

– Да нет, Фил очень славный. Пожалуй, для мамы слишком молодой, но славный.

– Почему же ты не осталась с ними?

Я понятия не имела, чем вызвана его настойчивость. Парень смотрел на меня так, будто его действительно интересовала моя довольно заурядная история.

– Фил много путешествует, он профессиональный бейсболист, – невесело улыбнулась я.

– Твой отчим – знаменитый бейсболист?

– Да нет, вряд ли ты о нем слышал. Его команда играет во второй лиге.

– И твоя мать послала тебя сюда, чтобы самой путешествовать с молодым мужем?

– Я сама себя послала, – с вызовом проговорила я.

Каллен нахмурился.

– Не понимаю, – признался он. Казалось, этот факт немало его раздражал.

Я вздохнула. Зачем, спрашивается, я все это ему рассказываю?

– После свадьбы мама осталась со мной, но она так скучала по Филу... Вот я и решила перебраться к Чарли.

– А теперь ты несчастна, – сделал вывод Каллен.

– И что с того?

– Это несправедливо, – пожал плечами Эдвард, буравя меня волшебным золотым взглядом.

Я невесело рассмеялась.

– Жизнь вообще несправедлива, разве ты не знаешь?

– Вроде бы слышал что-то подобное, – сухо проговорил Каллен.

– Вот и вся история, – подвела итог я, недоумевая, почему он не отводит взгляда.

Теплые глаза с золотыми крапинками смотрели оценивающе.

– Ты здорово держишься, – похвалил он, – но, готов поспорить, что страдаешь больше, чем хочешь показать.

В ответ я скорчила гримасу и, с трудом поборов желание высунуть язык, как пятилетняя девчонка, отвернулась.

– Разве я не прав?

Я сделала вид, что не слышала вопроса.

– Уверен, что все именно так, – самодовольно продолжал Каллен.

– Ну а тебе-то что? – раздраженно спросила я, наблюдая, как мистер Баннер кругами ходит по классу.

– Хороший вопрос, – пробормотал Эдвард тихо, будто обращаясь к самому себе.

Я вздохнула, хмуро разглядывая доску.

– Не хочешь со мной разговаривать? – удивленно спросил он.

Словно в трансе я заглянула в его глаза... и снова сказала правду:

– Нет, дело не в тебе. Скорее, я злюсь на себя. Мама всегда говорила, что меня можно читать как открытую книгу. Выходит, она права.

– Наоборот, я тебя читаю с огромным трудом. – Почему-то мне показалось, что Каллен говорит искренне.

– По-моему, ты весьма проницателен, – заметила я.

– Обычно так и есть, – Эдвард улыбнулся, обнажив ровные, ослепительно белые зубы.

Тут мистер Баннер попросил внимания, и я с облегчением вздохнула. Невероятно, я рассказала историю своей отчаянно скучной жизни странному красавцу, который неизвестно как ко мне относится! Эдвард вроде бы расспрашивал меня с интересом, но сейчас я заметила, что он снова отодвинулся, а тонкие пальцы судорожно вцепились в край стола.

Я старалась внимательно слушать мистера Баннера; тот с

помощью проекционного аппарата показывал фазы митоза, которые мы только что видели в микроскопе. Однако мои мысли витали далеко от деления клеток.

Едва прозвенел звонок, Эдвард, как и в прошлый понедельник, сорвался с места и изящным галопом унесся из класса. Как и в прошлый понедельник, я замороженно смотрела ему вслед.

Ко мне тут же подскочил Майк и стал собирать мои учебники. Да он сам как ретривер, виляющий хвостом!

– Ну и лабораторка! Эти препараты ничем не отличаются! Везет, тебя посадили с Калленом.

– Я сама справилась, – возразила я, немало уязвленная словами Майка, и тут же пожалела о своем выпаде. – В Финиксе мы уже делали эту лабораторку.

– Похоже, Каллен сегодня в отличном настроении, – отметил Майк, когда мы надевали куртки.

– Не понимаю, что с ним было в прошлый понедельник? – с деланным равнодушием спросила я.

На физкультуре мне стало легче. Сегодня я играла в одной команде с Майком, который вел себя, как настоящий рыцарь, и играл за двоих. Естественно, подавать мне приходилось самой, и едва я брала мяч, моя команда бросалась врассыпную.

Когда я вышла во двор, моросил холодный дождь. Я побежала к пикапу, не обращая внимания на душераздирающий рев мотора, тут же включила печку и распустила волосы, чтобы по дороге домой они подсохли.

Приготовившись выезжать, я внимательно огляделась по сторонам и заметила темную фигуру Эдварда Каллена, склонившуюся над «вольво». Парень пристально смотрел на меня, и я тут же отвернулась, но отвлеклась и чуть не задела ржавую «короолу». К счастью для «тойоты», я вовремя нажала на тормоза, иначе мой пикап превратил бы ее в металлолом. Глубоко вздохнув, я аккуратно выехала со своего места и, проезжая мимо «вольво», боковым зрением увидела, что Каллен улыбается.

Глава третья

ФЕНОМЕН

На следующее утро, едва открыв глаза, я поняла: что-то не так.

Изменился свет. Он по-прежнему был серо-зеленым, как пасмурным утром в лесу, однако чище и прозрачнее, чем обычно. Значит, тумана нет.

Вскочив, я выглянула в окно и застонала.

Тонкий слой снега покрыл двор и выбелил дорогу. Но это еще не самое страшное. Вчерашний дождь застыл на еловых лапах, а подъездная дорожка превратилась в каток.

Чарли уехал на работу раньше, чем я спустилась к завтраку. Отец не докучал мне своим присутствием, но одиночеством я не тяготилась, а наоборот наслаждалась.

Готовить не хотелось, и я залила хлопья апельсиновым соком. Странно, я с нетерпением ждала начала занятий. Причем вовсе не потому, что жаждала получить знания или завести новых друзей. Если быть до конца честной, я понимала, что рвусь в школу только ради встречи с Эдвардом Калленом. Глупо, очень глупо.

После вчерашнего разговора мне с ним лучше не встречаться. Полностью я Каллену не верила; зачем, например, он наврал про линзы? Еще пугала враждебность, которую он

излучал холодными волнами, и ступор, охватывавший меня, когда я видела его прекрасное лицо. Я отлично понимала, что у нас нет ничего общего. Значит, нечего о нем и думать!

Никто не знает, сколько сил я потратила, чтобы пройти по подъездной дорожке к пикапу. Я поскользнулась и разбила бы лицо, если бы не схватилась за боковое зеркало. Ну и дек!

По дороге в школу я думала о Майке, Эрике и своей «популярности». Наверное, все дело в том, что в Форксе я новенькая, а моя застенчивость и неловкость кажутся не жалкими, а трогательными. Этакая дева в беде!.. Так или иначе, мне было не по себе от щенячьей преданности Майка и его соперничества с Эриком. Возможно, удобнее, когда тебя вообще не замечают?

Как ни странно, по льду пикап двигался без особых проблем. Ехала я медленно, не желая становиться причиной аварии на Главной улице.

Лишь подъехав к школе, я поняла, почему все прошло так гладко. На шинах мелькнуло что-то серебристое, и, держась за багажник, чтобы не упасть, я нагнулась над ними. Тонкие защитные цепи пересекали шины крест-накрест. Чтобы установить их, Чарли поднялся в неизвестно какую рань. Горло судорожно сжалось.

Я так и стояла, сдерживая непрошенные слезы, когда услышала странный звук.

Визгливый скрип тормозов становился громче с каждой

секундой.

События разворачивались быстро, совсем не как в кино. Тем не менее, испытав прилив адреналина, я воспринимала все до последней детали.

Эдвард Каллен, стоявший за четыре машины от моей, смотрел на меня с нескрываемым ужасом. Его лицо выделялось из целого моря лиц, искаженных страхом и отчаянием. Но гораздо важнее в тот момент был темно-синий фургон, потерявший управление и беспорядочными зигзагами скользивший по парковке. С угрожающей скоростью он приближался к моему пикапу, у него на пути стояла я! Я даже глаза закрыть не успею!

Что-то сбило меня с ног раньше, чем я услышала скрежет, с которым фургон сминал кузов пикапа. Ударившись головой об асфальт, я почувствовала, как кто-то сильный прижимает меня к земле. Я лежала на асфальте за старой «хондой», рядом с которой стоял мой пикап. Больше я ничего не успела заметить, потому что фургон снова приближался. Смяв кузов пикапа, он сделал огромную петлю и теперь двигался в мою сторону.

Услышав сдавленное ругательство, я поняла, что не одна под «хондой» и тут же узнала низкий бархатный голос. Взметнулись сильные руки, защищая меня от фургона, который, сильно дернувшись, остановился сантиметрах в тридцати от моего лица. Руки уперлись в боковую поверхность фургона, а потом заработали быстро, как лопасти пропелле-

ра. Секундой позже меня, словно тряпичную куклу, перекинули через плечо и поволокли прочь. Раздался удар, затем звон битого стекла, и я увидела, что фургон застыл там, где совсем недавно были мои ноги.

Целую минуту стояла гробовая тишина, а потом донеслись истерические крики и плач. Несколько человек звали меня по имени, но среди всеобщей паники я расслышала тихий испуганный голос Эдварда.

– Белла, ты в порядке?

– Да, – только и пролепетала я и попыталась сесть. Не тут-то было – Каллен вцепился в меня железной хваткой.

– Осторожно! – предупредил парень, когда я начала вырываться. – Кажется, у тебя разбит висок.

Только тут я почувствовала пульсирующую боль над левым ухом.

– Ой! – удивленно воскликнула я.

– Так я и думал! – Как ни странно, в его голосе слышался сдавленный смех.

– Черт возьми... – начала я, пытаюсь собраться с мыслями. – Каким образом ты так быстро оказался возле меня?

– Я стоял рядом, Белла.

Я снова попыталась сесть, и на этот раз он разжал свои объятия, отодвигаясь подальше. Заглянув в его лицо, такое испуганное и невинное, я снова поразилась его красоте. Зачем я задаю все эти вопросы?

Тут подоспела помощь – студенты и учителя с перепуган-

ными заплаканными лицами кричали что-то друг другу и нам с Эдвардом.

– Не шевелитесь! – велел какой-то мужчина.

– Вытащите Тайлера из машины, – командовал второй.

Заразившись царившей вокруг суматохой, я попыталась подняться, но холодная рука Эдварда сжала мое плечо.

– Тебе лучше пока не двигаться, – мягко произнес он.

– Холодно, – пожаловалась я. Каллен захихикал, и мне стало легче.

– Ты стоял там, возле своей машины, – неожиданно вспомнила я, и смех резко оборвался.

– Это не так! – твердо сказал он.

– Я все видела!

Вокруг нас царил хаос. Мужчины пытались освободить Тайлера. Я продолжала спорить – откуда только взялась настойчивость? Уверенная в своей правоте, я хотела заставить Каллена признаться.

– Белла, я стоял рядом с тобой, а потом сбил с ног, – медленно и серьезно проговорил Эдвард.

Странные глаза так и буравили меня, будто стараясь внушить что-то важное.

– Нет! – упрямылась я.

– Белла, пожалуйста!

– Как все произошло? – не желала уступать я.

– Доверься мне, – умолял Эдвард, и я понимала, что больше не могу сопротивляться.

– Обещаешь потом все объяснить?

– Конечно! – неожиданно резко и раздраженно сказал он.

– Конечно, – с бессильной злобой повторила я.

Шесть санитаров и два учителя – мистер Варнер и мистер Клапп – с трудом отодвинули фургон и принесли носилки. Эдвард заявил, что в состоянии идти сам, и я пыталась последовать его примеру. Однако кто-то донес, что я ударилась головой и, возможно, получила сотрясение мозга. Я была готова провалиться сквозь землю, когда на меня надели фиксирующий «воротник». Казалось, вся школа собралась посмотреть, как меня грузят в машину «скорой помощи». А Эдварда просто посадили на переднее сиденье. Разве справедливо?

Машина еще не успела отъехать, и тут, как назло, появилась полиция с шефом Своном во главе.

– Белла! – испуганно закричал Чарли, увидев меня на носилках.

– Все в порядке, Чар... папа, – вздохнула я. – Ничего страшного.

Чарли стал расспрашивать санитаров и врачей, а я, воспользовавшись случаем, попробовала найти объяснение смутным образам, которые кружились в голове, словно цветные стекла калейдоскопа.

Вот санитары поднимают меня на носилки, и на бампере «хонды» я вижу вмятину, по очертаниям напоминающую плечи Эдварда. Будто он прижался к машине с такой силой,

что на металлической раме остался след...

А вот его семья... Они наблюдают за происходящим издалека. Лица перекосились от ярости и осуждения, в них нет ни капли тревоги за брата!

Наверняка всему этому есть логическое объяснение. Естественно, за исключением того, что я сошла с ума!

«Скорая помощь» с полицейским эскортом примчалась в центральную городскую больницу. Было страшно неловко, когда меня, как последнюю идиотку, на носилках выгружали из машины. Тем более что Эдвард грациозно выпорхнул из кабины и по-хозяйски вошел в здание больницы, словно бывал здесь ежедневно.

Меня привезли в процедурную – длинную комнату с несколькими койками, окруженными полупрозрачными занавесками-ширмами. Медсестра измерила мне давление и поставила градусник. Задернуть пластиковый занавес никто не потрудился, и, разозлившись, я решила, что не стану больше носить идиотский «ошейник». Медсестра отлучилась, и я тут же растегнула липучку и бросила «ошейник» под койку.

Медсестры засуетились, и через минуту к соседней койке принесли еще одни носилки. На них лежал Тайлер Кроули, с окровавленной повязкой на голове. Выглядел он ужасно, но с беспокойством смотрел на меня.

– Белла, я так виноват!..

– Я-то в порядке, Тайлер, а ты?

Пока мы разговаривали, медсестры снимали повязку, об-

нажая мириады ссадин на лбу и левой щеке.

– Я думал, что убью тебя! – причитал Кроули. – Ехал слишком быстро, а фургон занесло... – Он поморщился, когда сестра начала промывать ссадины.

– Не беспокойся, меня ты не задел!

– Как ты смогла так быстро уйти с дороги? Ты стояла у пикапа, а через секунду исчезла.

– Ну, мне помог Эдвард.

– Кто? – Тайлер не верил своим ушам.

– Эдвард Каллен, он стоял рядом. – Я никогда не умела лгать, и на этот раз все прозвучало не слишком убедительно.

– Каллен? Его я не заметил. Вау, ну и скорость!

Как он?

– По-моему, в порядке, хотя тоже в больнице.

Я ведь не сумасшедшая, галлюцинациями не страдаю. Как же все произошло? Похоже, ответа не найти.

Мне сделали рентген головного мозга. Говорила же я медсестрам, что со мной все в порядке, так оно и оказалось. Никакого сотрясения. Однако без осмотра доктора уйти мне не разрешали. Итак, я застряла в процедурной. Если бы еще Тайлер перестал извиняться!.. Я ему раз сто повторила, что со мной все в порядке, а он продолжал изводить и себя, и меня. Наконец, я перестала его слушать и закрыла глаза. Покаяния Тайлера доносились словно издалека.

– Она спит? – произнес низкий бархатный голос, и я тут же открыла глаза.

У моей койки, самодовольно улыбаясь, стоял Эдвард. Хотелось показать, как сильно я злюсь, но ничего не вышло, сердиться на Каллена было невозможно.

– Послушай, Эдвард, мне очень жаль... – начал Тайлер. Каллен жестом попросил его замолчать.

– А где же кровь? – с притворным сожалением спросил он и рассмеялся, обнажив белоснежные зубы.

Эдвард присел на койку Тайлера, однако повернулся ко мне.

– Каков диагноз? – спросил он.

– Со мной все в порядке, но уйти не разрешают! – пожаловалась я. – Слушай, а почему у тебя не берут анализы?

– Все дело в связях и личном обаянии! – засмеялся Каллен.

Тут в процедурную вошел доктор, и у меня просто отвисла челюсть. Он был молод, светловолос и красивее любого манекенщика из всех, кого я видела. И это несмотря на мертвенную бледность и темные круги под глазами.

– Итак, мисс Свон, как вы себя чувствуете? – спросил доктор Каллен.

Боже, его голос даже красивее, чем у Эдварда.

– Все в порядке, – кажется, в тысячный раз ответила я.

Он включил световой щит у изголовья моей койки.

– Рентген показывает, что все в норме, – одобрительно проговорил доктор. – А голова не болит? Эдвард сказал, что вы сильно ударились.

– Все в порядке, – вздохнула я, бросив свирепый взгляд на Каллена-младшего.

Холодные пальцы доктора осторожно ощупывали мою голову. Вот он коснулся левого виска, и я поморщилась.

– Больно?

– Да нет, – ответила я. Разве это боль? Я подняла глаза и, увидев покровительственную улыбку Эдварда, разозлилась.

– Ваш отец ждет в приемном покое. Пусть забирает вас домой. Но если закружится голова или внезапно ухудшится зрение, сразу приезжайте ко мне.

– Могу я вернуться на занятия? – спросила я. Не хватало еще, чтобы Чарли за мной ухаживал!

– Сегодня лучше отдохнуть, – посоветовал доктор.

– А он вернется в школу? – поинтересовалась я, имея в виду Эдварда.

– Должен же кто-то сообщить добрую весть! – самодовольно изрек Каллен-младший.

– Вообще-то, – вмешался доктор, – почти вся школа собралась в приемном покое.

– О нет! – застонала я, закрывая лицо руками.

– Может, останетесь здесь? – с сомнением предложил доктор Каллен.

– Нет-нет! – испуганно вскрикнула я и тут же вскочила на ноги. Очевидно, я поспешила, потому что, потеряв равновесие, упала в объятия доктора. Он только головой покачал.

– Ничего страшного, – пролепетала я. Не рассказывать же

ему, что с равновесием у меня вообще проблемы!

– Выпейте тайленол, – посоветовал он, осторожно ставя меня на ноги.

– Голова почти не болит! – упрямылась я.

– Вам очень повезло, – улыбнулся доктор, ставя подпись на моей выписке.

– Повезло, что Эдвард стоял рядом со мной, – поправила я, многозначительно глядя на своего спасителя.

– Ах, да, конечно! – согласился доктор, делая вид, что разбирает какие-то бумаги. Затем он подошел к Тайлеру. Интуиция не подвела, доктор Каллен был польщен.

– А вам, молодой человек, придется здесь задержаться, – объявил он Тайлеру, осматривая его ссадины.

Как только доктор отвернулся, я подошла к Эдварду.

– Можно тебя на минутку? – чуть слышно прошептала я.

Парень отступил, упрямо стиснув зубы.

– Тебя ждет отец, – процедил он.

Я посмотрела на доктора Каллена и Тайлера.

– Хочу поговорить с тобой наедине, если не возражаешь, – настаивала я.

Эдвард поморщился, а затем вышел из процедурной и быстро зашагал по длинному коридору. Мне пришлось бежать, чтобы не отстать. Завернув за угол, мы оказались в небольшом тупичке, и Каллен резко повернулся ко мне.

– Чего ты хочешь? – раздраженно спросил он.

– Ты обещал объяснить, как все случилось, – напомнила

я, но не так уверенно, как собиралась. Его внезапная враждебность пугала.

– Я спас тебе жизнь, а ты еще претензии предъявляешь!

Я едва сдерживала негодование.

– Ты же обещал!

– Белла, ты ударилась головой и не понимаешь, что говоришь! – съязвил парень.

– С головой у меня все в порядке!

– Что ты от меня хочешь? – В голосе Эдварда появилась злоба.

– Узнать правду! – решительно сказала я. – Хочу знать, ради чего я лгала твоему отцу.

– А по-твоему, что случилось?

Чтобы выложить свою версию, мне хватило минуты.

– Я прекрасно помню, что тебя рядом со мной не было, Тайлер тоже тебя не видел, поэтому не надо говорить, что у меня амнезия! Фургон должен был раздавить нас обоих, но ты его удержал, причем с такой силой, что на двери фургона остались вмятины от твоих ладоней, а на бампере «хонды» – контуры плеч. У тебя нет ни одной царапины... И еще: фургон мог переехать мне ноги, но ты его не просто оттолкнул, а приподнял...

Я замолчала, понимая, что рассказ кажется бредом сумасшедшей. От досады на глаза навернулись слезы, и я сжала зубы, чтобы не разрыдаться.

Эдвард недоверчиво смотрел на меня.

– Думаешь, я приподнял фургон? – спросил он таким тоном, будто сомневался в моем душевном здравии.

Разве ему можно верить? Похоже, Каллен – прекрасный актер.

Стиснув зубы, я кивнула.

– Твоей истории никто не поверит, – насмешливо проговорил он.

– Я не собираюсь никому рассказывать, – очень четко произнесла я, сдерживая гнев.

– Тогда какая разница? – удивленно спросил он.

– Для меня есть разница, – твердо сказала я. – Не люблю врать и хочу знать, ради чего я это делаю.

– Неужели трудно просто сказать мне спасибо и обо всем забыть? – устало спросил он.

– Спасибо! – зло бросила я.

– Но ты ведь не успокоишься?

– Конечно, нет!

– Боюсь, тебя ждет горькое разочарование.

Мы зло смотрели друг на друга. Чтобы не сбиться, я решила заговорить первой, иначе перед утонченной красотой бледного лица мне не устоять.

– А тебе какая разница? – холодно спросила я.

На секунду Каллен показался мне таким ранимым!

– Не знаю, – тихо сказал он и, не добавив ни слова, ушел.

Я злилась так сильно, что несколько секунд не могла сойти с места, а придя в себя, медленно прошла обратно по ко-

ридору.

Судя по всему, за нас с Тайлером переживала вся школа. В приемном покое я увидела сотни взволнованных лиц. Чарли бросился было ко мне, но буквально в двух шагах остановился, испуганный выражением моего лица.

– Со мной все в порядке, – мрачно объявила я.

Меня до сих пор трясло от гнева, разговаривать не хотелось.

– Что сказал доктор?

– Что все в порядке, и я могу идти домой, – вздохнула я и увидела, как, расталкивая толпу, к нам приближаются Майк, Джессика и Эрик. – Поедем скорее!

Чарли обнял меня за плечи и повел к выходу. Я робко помахала друзьям, показывая, что волноваться больше не стоит. Мне стало легче, лишь когда мы сели в патрульную машину.

Ехали молча. Я была настолько поглощена своими мыслями, что едва замечала Чарли. Что ж, странное, явно оборотничье поведение Эдварда лишь подтверждает мои подозрения.

Чарли заговорил, только когда мы приехали домой.

– Э-э... тебе нужно позвонить Рене, – виновато проговорил он.

– Ты звонил маме! – в ужасе закричала я.

– Прости.

Выходя из машины, я громко хлопнула дверцей.

Естественно, мама была в истерике. Я раз тридцать повторила ей, что со мной все в порядке, прежде чем она поверила. Рене умоляла меня вернуться в Финикс, совершенно не думая о том, что в данный момент дома никого нет. Как ни странно, ее причитания меня почти не трогали. Все мысли занимал Эдвард и его тайна. Дура, какая же я дура! Даже из Форкса уезжать расхотела, кто бы подумал!

В такой ситуации разумнее всего было лечь в постель и притвориться спящей. Чарли краем глаза следил за мной из гостиной, и это страшно действовало на нервы.

Заглянув в ванную, я выпила три тайленола.

Глава четвертая

ПРИГЛАШЕНИЯ

Той ночью мне впервые приснился Эдвард Кал-лен. В кромешной тьме; единственным источником света была его кожа. Лица Эдварда я не видела, только спину – он шел прочь, оставляя меня в темноте. Догнать его я не могла, как быстро бы ни бежала, а он не останавливался, хотя я громко его звала. Испуганная и расстроенная, я проснулась среди ночи и потом долго не могла заснуть. С тех пор Каллен снился мне каждую ночь и всегда убегал.

Месяц после катастрофы был очень непростым, напряженным и полным переживаний.

К моему отчаянию и ужасу, на целую неделю я стала самым популярным человеком в школе. Тай-лер Кроули ходил за мной по пятам, вымаливая прощение и предлагая помощь. Я пыталась убедить его, что больше всего мне хочется забыть тот день, тем более что ничего страшного со мной не случилось. Но от Тайлера так просто не отделаешься! Он преследовал меня на переменах, а во время ленча сидел за нашим столом. Можно не объяснять, что Майк с Эриком приняли его в штыки, а на мою голову свалился еще один ненужный поклонник.

Почему-то про Эдварда никому говорить не хотелось, хо-

тя я и рассказывала, что он вел себя как герой, заслонив от приближающегося фургона. Джессика, Майк и Эрик в один голос твердили, что увидели Каллена, лишь когда отодвинули «хонду».

За ним не ходили толпами и не просили рассказать, как все случилось; как обычно, студенты старательно его избегали. Каллены и Хейлы сидели за тем же столиком, не ели и разговаривали только между собой. В мою сторону Эдвард больше не смотрел.

На биологии он сидел за самым краем стола, будто боялся испачкаться, и совершенно меня не замечал. Лишь когда его руки вдруг сжимались в кулаки, причем так, что белели костяшки пальцев, у меня возникали сомнения в его невозмутимости и равнодушии.

Наверное, он жалеет, что вытащил меня из-под колес фургона, другого объяснения происходящему я подобрать не могла.

Очень хотелось с ним поговорить, и уже на следующий день после аварии я попробовала. Последний наш разговор состоялся в тупичке у перевязочной, и мы практически поругались. Я злилась, что он не желает рассказать мне правду, несмотря на то, что свою часть уговора я выполняла безупречно. Но ведь, в конце концов, он спас мне жизнь, а как именно – неважно. Уже к следующему утру гнев сменился бесконечной благодарностью.

Когда я пришла на биологию, Эдвард сидел за партой, рас-

сеянно глядя перед собой. Я присела, ожидая, что он ко мне повернется. Однако Каллен притворился, что не заметил моего появления.

– Здравствуй, Эдвард! – вежливо поздоровалась я, показывая, что настроена дружелюбно.

Каллен кивнул и стал с повышенным интересом разглядывать доску.

Вот и весь разговор, а с тех пор – ни слова, хотя мы каждый день сидели за одной партой. Не в силах бороться со своими чувствами, я продолжала смотреть на него, пусть издалека. В столовой и на автостоянке мне никто помешать не мог, и я ухитрилась разглядеть, что его глаза с каждым днем становятся все темнее, а золотые крапинки постепенно исчезают. На биологии же я старалась уделять ему не больше внимания, чем он мне, хотя от этого чувствовала себя совсем несчастной и одинокой. А тут еще сны...

Несмотря на бодрые сообщения, Рене почувствовала, что со мной что-то не так, и несколько раз звонила, явно обеспокоенная. Я, как могла, убеждала ее, что в плохом настроении из-за пасмурной погоды.

Зато Майк радовался. Он очень боялся, что после аварии я начну восторгаться Эдвардом, и вздохнул с облегчением, поняв, что все совсем не так. Теперь перед биологией Ньютон запросто подсаживался ко мне, и мы подолгу болтали, совершенно игнорируя Каллена.

Со дня аварии снега больше не выпало, и Майк убивался,

что поиграть в снежки так и не удалось. Лишь предстоящая поездка на пляж грела его душу. Немного потеплело, и проливные дожди несколько недель заливали Форкс.

В первый понедельник марта мне позвонила Джессика. Оказывается, весной по традиции девушки приглашают парней на танцы, и подруга интересовалась, может ли она пойти с Майком.

– Ты не возражаешь? Неужели ты сама не собиралась его пригласить? – недоумевала она, когда я заверила, что с моей стороны никаких проблем не будет.

– Нет, Джесс, я не иду, – успокаивала я. Танцы не по моей части.

– Там весело, – довольно вяло убеждала Джессика. Похоже, моя неожиданная популярность нравится ей гораздо больше, чем я сама!

– Желаю отлично провести время с Майком! – бодро сказала я и повесила трубку.

На следующий день на тригонометрии и испанском Джессика вела себя подозрительно тихо. На переменах она подчеркнуто меня сторонилась, а спрашивать, что произошло, мне не хотелось. Если Ньютон ее отверг, она все равно не признается.

Мои страхи подтвердились во время ленча, когда Джессика села за противоположный от Майка конец стола и оживленно болтала с Эриком.

Майк молча проводил меня на биологию, и его несчаст-

ный вид показался мне плохим знаком. Заговорил он, только когда присел на краешек моей парты. Как обычно, мне было не по себе от присутствия Эдварда.

– Представляешь, – начал Майк, разглядывая носки ботинок, – Джессика пригласила меня на танцы.

– Замечательно! – радостно воскликнула я. – Вы отлично проведете время.

– Ну, – протянул Ньютон, обескураженный моей улыбкой, – я сказал ей, что подумаю.

– Почему? – строго спросила я, тихо радуясь, что он не ответил Джессике категоричным отказом.

Не поднимая глаз, Майк густо покраснел, и мне стало его жаль.

– Вообще-то я надеялся, что меня пригласишь ты, – чуть слышно сказал он.

Я выдержала долгую паузу, ненавидя себя за чувство вины, которым многие умело пользовались. И тут почувствовала, как голова Эдварда на какой-то миллиметр повернулась в мою сторону.

– Майк, ты должен сказать Джессике «да», – жестко сказала я.

– Ты уже кого-то пригласила?

Интересно, заметил ли Эдвард, как Ньютон стрельнул глазами в его сторону?

– Нет, я вообще не иду на танцы, – поспешно заверила я.

– Но почему? – потребовал объяснений Майк.

О том, что я танцую как неуклюжая бегемотица, говорить не хотелось, так что я быстро придумала себе новые планы.

– Я собираюсь в Сиэтл.

Мгновенная блестящая ложь. Давно пора куда-нибудь съездить, так почему не в Сиэтл и не в субботу?

– Неужели нельзя выбрать другой день? – попытался уговорить меня Ньютон.

– Прости, нет, – решительно сказала я, лишая его последней надежды. – И, пожалуйста, не заставляй Джесс ждать слишком долго, это невежливо.

– Пожалуй, ты права, – отозвался Ньютон и понуро побрел на свое место.

Закрыв глаза, я нажала на виски, пытаюсь выдавить из себя чувство вины и жалость. Мистер Бан-нер начал урок, и глаза пришлось открыть.

Эдвард смотрел на меня, как раньше, с любопытством и каким-то непонятным разочарованием. Я подняла на него глаза, уверенная, что он тут же отвернется. Ничего подобного, он продолжал испытывающе на меня смотреть. Боже, как он красив! У меня затряслись руки.

– Мистер Каллен? – спросил учитель, очевидно, ожидая ответа на вопрос, которого я не слышала.

– Цикл Кребса, – ответил Эдвард, неохотно переводя взгляд на мистера Баннера.

Вырвавшись из плена прекрасных глаз, я уткнулась в учебник. Больше я себе не доверяла и закрыла пылающее

лицо темной прядью. Нельзя, нельзя уступать и поддаваться чувствам, даже если Эдвард Каллен впервые за много недель осчастливил своим взглядом. Я не должна позволять ему делать со мной все, что угодно. Это смешно, жалко и... опасно.

Оставшуюся часть урока я пыталась не обращать внимания на Эдварда, а поскольку это было выше моих сил, старалась, чтобы он не замечал моих брошенных украдкой взглядов. Как только прозвенел звонок, я отвернулась от него и стала собирать вещи, надеясь, что Каллен, как и раньше, быстро уйдет на следующий урок.

– Белла? – Ну почему этот голос так много для меня значит, ведь я знаю Эдварда совсем недавно!

Медленно, будто нехотя, я повернулась. Стыдно признаться, но прекрасное лицо притягивало меня, как магнит. Думаю, вид у меня был настороженный, а вот что чувствовал Каллен, сказать трудно. Что же он молчит?

– Ты снова со мной разговариваешь? Неужели? – нервно спросила я, хотя решила держать себя в руках.

Четко очерченные губы задрожали, Каллен пытался сдержать улыбку.

– Ну, не совсем...

Чтобы немного успокоиться, я зажмурилась и сделала глубокий вдох.

– Тогда чего же ты хочешь? – не открывая глаз, спросила я. Удивительно, но так оказалось проще контролировать свои мысли.

– Прости, – сокрушенно проговорил он. – Знаю, что веду себя грубо, однако так лучше.

Наконец я решилась посмотреть на Эдварда. Его лицо было очень серьезным.

– Не понимаю, о чем ты.

– Нам лучше не быть друзьями, – пояснил он. – Поверь мне.

Мои глаза презрительно сузились – однажды я ему уже поверила.

– Жаль, что это не пришло тебе в голову раньше, – съязвила я. – Тогда не пришлось бы ни чем жалеть.

– Жалеть? – Похоже, это слово и мой резкий тон застали его врасплох. – О чем жалеть?

– Что меня не переехал тот дурацкий фургон.

Эдвард застыл в недоумении, а когда заговорил, мне казалось, что язык едва его слушается.

– Думаешь, я жалею, что спас тебе жизнь?

– Не думаю, а знаю!

– Ничего ты не знаешь! – разозлился Каллен.

Я резко отвернулась, чтобы сдержаться и не высказать ему все, что накипело. Собрав учебники, я бросилась вон из класса. Хотелось громко хлопнуть дверью, но ничего не вышло: я налетела на косяк и выронила книги. Целую секунду я решала, бросить их на полу или собрать, и, в конце концов, прислушалась к здравому смыслу. Вздохнув, я нагнулась над учебниками, однако Каллен меня опередил, ловко составил

книги в стопку и с непроницаемым выражением лица передал мне.

– Благодарю, – холодно сказала я. Черные глаза стали страшными.

– Не стоит, – отозвался Эдвард. Я быстро выпрямилась и, гордо расправив плечи, зашагала к спортзалу.

Физкультура прошла отвратительно. В марте мы начали играть в баскетбол, и мои товарищи по команде мяч мне почти не доверяли. Зато я много падала и нередко валила кого-то еще. Сегодня я превзошла саму себя и, думая об Эдварде, падала чуть ли не каждую минуту.

Звонок, как и обычно, принес огромное облегчение. К стоянке я бежала – разговаривать ни с кем не хотелось. В аварии пикап почти не пострадал. Естественно, пришлось заменить габаритные огни и подкрасить кузов. А вот фургон Тайлера его родители продали на запчасти.

Меня чуть удар не хватил, когда, завернув за угол, я увидела темную фигуру, застывшую у моего пикапа. В следующую же секунду я узнала Эрика. Его мне только не хватало!

– Привет, Эрик!

– Привет, Белла!

– Что случилось? – На дрожание его голоса я сначала внимания не обратила, поэтому следующий вопрос застал меня врасплох.

– Я тут подумал... Может, пойдешь со мной на танцы? – робко спросил он.

– Разве не девушки приглашают парней? – Я изо всех сил старалась быть вежливой.

– Да, кажется, – чуть слышно пролепетал он.

К счастью, я смогла взять себя в руки.

– Спасибо за приглашение, – поблагодарила я, улыбаясь, – но в ту субботу я еду в Сиэтл.

– Ладно, – вздохнул Эрик, – как-нибудь в другой раз.

– Конечно! – радостно согласилась я. И тут же прикусила язык. Надеюсь, Эрик не воспримет мое обещание буквально.

Он побрел к школе, а я услышала сдавленный смешок. Мимо прошел Эдвард Каллен. Он смотрел прямо перед собой, делая вид, что никого вокруг не замечает. Я села в машину, захлопнула за собой дверцу, повернула ключ зажигания и стала осторожно выезжать со своего места. Эдвард, виртуозно выехав со стоянки, обогнал меня на два корпуса и неожиданно остановился, очевидно поджидая свою семью, – великолепная четверка как раз выходила из столовой. Страшно хотелось боднуть его сияющий «вольво», но вокруг было слишком много свидетелей. Я посмотрела в зеркало заднего обзора – за нами начала собираться очередь. Следом за мной встал Тайлер Кроули на новеньком «ниссане» и приветственно помахал мне рукой. В таком состоянии общаться с Тайлером не хотелось.

Итак, я сидела, уставившись на «вольво», и вдруг услышала стук в окно. Подняв глаза, я увидела Тайлера и машинально взглянула в зеркало заднего обзора. Мотор «ниссана» по-

прежнему работал. Пришлось открывать окно у пассажирского сиденья, которое оказалось неисправным и на полпути заклинило.

– Прости, Тайлер, – раздраженно прокричала я. – Не могу объехать Каллена.

В самом деле, разве я виновата, что образовалась пробка?

– Вижу, просто хотел кое о чем тебя попросить, раз уж мы тут застряли, – усмехнулся Кроули.

Нет, только не это!..

– Может, пригласишь меня на танцы? – невозмутимо продолжал он.

– Тайлер, меня не будет в городе, – резко сказала я. Разве он виноват, что Майк с Эриком уже исчерпали мое терпение?

– Да, Майк говорил, – признался парень.

– Тогда зачем...

– Думал, ты просто его продинамила, – пожал плечами Кроули.

Боже, он ведь ни в чем не виноват!

– Прости, Тайлер, – я изо всех сил пыталась скрыть раздражение. – Я правда уезжаю из города.

– Ничего страшного, впереди еще выпускной вечер.

Прежде чем я успела ответить, Тайлер пошел обратно к машине. Похоже, вид у меня был очень глупый. Посмотрев в окно, я заметила, как Элис, Розали, Эмметт и Кэри усаживаются в «вольво», а в зеркале заднего обзора четко ви-

дела смеющиеся глаза Эдварда Каллена. Наверное, он слышал наш разговор с Тайлером и теперь веселился. Меня так и подмывало нажать на газ... Один-единственный удар пассажирам не повредит, а вот машинку подпортит и настроение красавчику тоже. Я решительно повернула ключ зажигания.

Но Каллены и Хейлы уже заняли свои места, и Эдвард умчал их прочь. Тихо чертыхаясь, я поехала домой.

Побалую-ка я себя цыпленком по-мексикански: готовится он небыстро, зато немного отвлекусь. Овощи со специями уже почти поджарились, когда зазвонил телефон. Отвечать не хотелось. Наверняка это мама или Чарли.

Звонила ликующая Джессика. Майк остановил ее после уроков и сказал, что принимает приглашение. Я поздравила ее от всей души. Подруга спешила, она хотела позвонить Анжеле и Лорен, чтобы поделиться радостью. Как бы между прочим, я предложила, чтобы Анжела, скромная девушка из моего класса по биологии, пригласила Эрика, а надменная Лорен, которая подчеркнуто не замечала меня в столовой, пригласила Тайлера. Джесс была в полном восторге. Теперь, когда Майк у нее в кармане, она искренне жалела, что я не иду на танцы. Пришлось рассказать ей про Сиэтл.

Повесив трубку, я с головой ушла в готовку. Цыпленка следовало порезать кубиками, при этом не поранившись. Голова шла кругом от того, что Эдвард сказал мне сегодня. Почему нам лучше не быть друзьями?

Желудок сжался – я поняла, что имел в виду Кал-лен. Он

наверняка знал, как сильно я им увлечена, и предпочитал держаться подальше. Эдвард даже дружить не хотел, потому что я совершенно его не интересую.

Я совершенно его не интересую... На глаза навернулись слезы – запоздалая реакция на лук. Я ведь серятина и посредственность, а он... Такой красивый, умный, проницательный и может одной рукой остановить фургон!

Ну и ладно! Оставляю его в покое! Перетерплю год в этой глуши, а потом какой-нибудь колледж на юго-западе, или даже на Гавайях предложит мне стипендию. Закладывая цыпленка в духовку, я мечтала о ярком солнце, пальмах и золотых пляжах.

Чарли с порога почувствовал аромат цыпленка и нахмурился. Неудивительно, мексиканская еда в местных ресторанчиках наверняка опасна для жизни. Но папа оказался смельчаком и храбро взял вилку. Судя по всему, ему понравилось.

– Папа? – позвала я, когда он доел.

– Да, Белла?

– Через две недели я хотела бы поехать на целый день в Сиэтл. Ладно?

Не то, чтобы я нуждалась в его разрешении, просто пыталась быть элементарно вежливой.

– Зачем? – В его голосе звучало искреннее удивление. Разве есть на свете город лучше Форкса?

– Хочу зайти в книжный, в здешней библиотеке почти ни-

чего нет. Ну, и присмотреть кое-что из одежды.

Благодаря Чарли, машину покупать не пришлось. С финансами у меня было все в порядке, хотя денег на бензин уходила прорва.

– Пикап ест очень много бензина, – будто прочитав мои мысли, сказал отец.

– Знаю, придется заправляться в Монтессано, Олимпии и Такоме.

– Одна едешь? – спросил он, и я не поняла, намекает он на бойфренда или просто беспокоится, чтобы со мной чего не случилось.

– Одна.

– Сиэтл – большой город, ты можешь потеряться, – беспокоился Чарли.

– Пап, Финикс в пять раз больше, и я отлично разбираюсь в картах, – вздохнула я.

– Хочешь, поеду с тобой?

Я постаралась скрыть охвативший меня ужас.

– Пап, я же пойду по магазинам, тебе будет скучно!

– Ну, ладно, езжай, – нехотя разрешил он. Перспектива таскаться по магазинам, видимо, не особо его вдохновляла.

– Спасибо! – улыбнулась я.

– Успеешь на танцы?

Брр! Только в таких городках, как Форкс, отцы знают, когда в школах танцы.

– Папа, я не танцую! – Он должен меня понять, в конце

концов, я не в маму такая неуклюжая.

– Хорошо-хорошо, – быстро проговорил Чарли.

На следующее утро я припарковалась как можно дальше от серебристого «вольво». Не хотелось подвергать себя соблазну, а потом покупать Калле-нам новую машину. Повесив сумку на плечо, я отважно шагнула под дождь. Как назло ключи упали в лужу, и я нагнулась, чтобы их поднять, но меня опередил кто-то проворный и ловкий. Я выпрямилась и увидела Каллена, небрежно облокотившегося о кузов пикапа.

– Как у тебя это получается? – раздраженно спросила я.

– Что получается? – переспросил он, протягивая мне ключи.

– Появляться откуда ни возьмись.

– Белла, разве я виноват, что ты так ненаблюдательна! – Его бархатный голос напоминал рычание тигра.

Я хмуро смотрела в безупречно красивое лицо. Глаза Эдварда сегодня казались светлыми, золотисто-медовыми.

– Зачем ты вчера устроил пробку? – строго спросила я. – Ты вроде решил меня игнорировать, а не выводить из себя.

– Ради Тайлера! Нужно же было дать ему шанс, – усмехнулся Каллен.

– Ты... – задыхалась от гнева я, подбирая ругательство похуже. Внутри все так и кипело от ярости.

– И я вовсе тебя не игнорирую, – продолжал он.

– Значит, пытаешься извести, раз у Тайлера не вышло с

фургоном?

Медовые глаза потемнели, губы сжались в тонкую линию.

– Белла, извини, ты говоришь ерунду! – глухо прорычал он.

У меня зачесались руки – страшно хотелось вмазать ему! Что со мной творится? Я никогда не прибегала к насилию, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Демонстративно развернувшись, я пошла прочь.

– Подожди! – негромко позвал Эдвард, но я упрямо шагала к школе, раздраженно шлепая по лужам. Каллен нагнал меня без особого труда.

– Прости, я был очень груб, – на ходу извинялся он. – С Тайлером все так, как я сказал, но, пожалуйста, не обижайся!

– Почему бы тебе не оставить меня в покое? – ледяным тоном спросила я.

– Хочу у тебя кое-что спросить, но ты и рта мне не даешь открыть, – усмехнулся Каллен. К нему снова вернулось хорошее настроение.

– Слушай, у тебя что, раздвоение личности?

– Давай не будем оскорблять друг друга!

– Ладно, выкладывай, – вздохнула я.

– В следующую субботу, ну, когда будут танцы...

– Ты что, издеваешься? – не дала договорить я, поворачивая к нему мокрое от дождя лицо. В золотисто-медовых глазах плясали бесенята.

– Позволишь договорить? – вежливо попросил Каллен, но

мне по-прежнему казалось, что он надо мной издевается.

Закусив губу, я нервно переплела пальцы, чтобы не совершить опрометчивых поступков.

– Слышал, в тот день ты собираешься в Сиэтл. Можно тебя отвезти?

Ничего подобного я не ожидала!

– Что? – по-идиотски спросила я, не понимая, к чему он ведет.

– Можно отвезти тебя в Сиэтл?

– Кто меня повезет? – не понимала я.

– Я, конечно, – ответил Эдвард, очень четко проговаривая каждый слог, будто я была ненормальной.

– Зачем?

– Я давно собираюсь в Сиэтл, к тому же вряд ли твой пикап выдержит такую поездку.

– Большое спасибо за беспокойство, но своей машиной я довольна!

– Хорошо, что так, но сколько раз тебе придется заправляться? – не унимался Каллен, шагая рядом со мной.

– А ты-то что волнуешься? – с иронией спросила я, желая поддеть богатенького мальчика на серебристом «вольво».

– Разумное использование полезных ископаемых должно волновать каждого, – с наигранной серьезностью проговорил он.

– Да ладно, Эдвард! – Во мне все встрепенулось, когда я назвала его по имени. Как же я себя за это ненавидела! – Я

тебе неинтересна, и дружить со мной ты не желаешь.

– Я сказал, что нам лучше не быть друзьями; я не говорил, что не хочу с тобой общаться.

– Ну, вот, теперь все ясно, спасибо! – с сарказмом поблагодарила я.

Тем временем мы оказались под навесом столовой, и теперь я могла смотреть ему прямо в глаза, что никак не способствовало четкой работе мысли.

– Тебе гораздо... гораздо разумнее, не быть моей подругой... Но я устал прикидываться бесчувственным чурбаном, Белла! – воскликнул он с такой обжигающей страстью, что мое сердце едва не остановилось.

– Так поедешь со мной в Сиэтл? – после секунды звенящего молчания спросил Эдвард, будто от этого зависела его жизнь.

Дар речи ко мне еще не вернулся, и я просто кивнула.

На мгновение его прекрасное лицо озарила улыбка.

– И все же тебе следует держаться от меня подальше, – тут же посерьезнев, предупредил он. – Увидимся на биологии!

Резко повернувшись, Каллен зашагал обратно к стоянке.

Глава пятая

ГРУППА КРОВИ

На английский я пришла в полубессознательном состоянии, не понимая, что урок уже начался.

– Спасибо, что все-таки почтили нас своим присутствием, мисс Свон, – укоризненно проговорил мистер Мейсон.

Я вспыхнула и прошла на свое место.

Только к концу занятия до меня дошло, что Майк не сидит рядом со мной. Я чувствовала себя виноватой, но после английского они с Эриком ждали у двери, значит, все не так уж плохо. Ньютон с воодушевлением говорил о погоде на выходные. Дожди, скорее всего, перестанут, и он сможет поехать на пляж. Я вторила ему, как могла, чтобы хоть немного искупить свое вчерашнее поведение. Какая разница, пойдет дождь или нет, тепла-то все равно не будет.

День превратился в расплывчатое пятно. Утренний разговор с Эдвардом казался волшебным сном, который я спутала с реальностью. Не может быть, что я все-таки ему нравлюсь!

В столовую я шла в полном смятении чувств. Не терпелось увидеть Эдварда, чтобы проверить, превратился он в холодного безразличного робота, или то, что случилось утром, правда. Шедшая рядом Джессика без умолку болтала о танцах, не замечая моей рассеянности и отрешенности. Анже-

ла и Лорен пригласили Эрика и Тайлера соответственно, так что теплая компания с нетерпением ждала субботы.

Взглянув на заветный столик, я едва не расплакалась – там сидели четверо, Эдварда не было. Неужели он ушел домой?

Совершенно раздавленная, я встала в очередь следом за Джессикой. Аппетит пропал, и я взяла только лимонад. Хотелось забиться в угол подальше от чужих глаз и поддаться черному отчаянию.

– На тебя смотрит Эдвард Каллен, – голос Джессики доносился словно издалека. – Интересно, почему он сегодня сел один?

Страдать сразу расхотелось, я подняла голову и увидела Эдварда за столиком в противоположном конце столовой. Встретившись со мной глазами, он помахал рукой, словно приглашая присоединиться. Затаив дыхание, я смотрела на это чудо.

– Неужели он тебя зовет? – недоверчиво спросила Джессика.

– Наверное, не сделал домашнюю работу по биологии, – постаралась я успокоить подругу. – Пойду, спрошу, чего он хочет.

Я пошла к Эдварду, спиной ощущая удивленный взгляд Джессики, и неуверенно остановилась у его столика.

– Почему бы тебе не сесть со мной? – улыбаясь, предложил он.

Будто нехотя, я присела, исподлобья наблюдая за Калле-

ном. Его лицо было таким совершенным... мне даже почудилось, что я сплю. Сейчас открою глаза, и Эдвард растает, словно дым.

Каллен смотрел на меня, словно ожидал какой-то реакции.

– Все это так странно, – наконец проговорила я.

– Ну... – замялся он. – Чему быть, того не миновать!

Я терпеливо ждала, пока он скажет что-нибудь вразумительное. Время будто остановилось.

– Если честно, не понимаю, что происходит, – призналась я.

– Понимаю, – улыбнулся Каллен, но объяснять ничего не стал. – По-моему, твоим друзьям не нравится, что я тебя похитил, – сменил он тему.

– Переживут. – Недовольные взгляды Майка, Эрика и Джессики так и буравили мне спину.

– Пусть не надеются, что я отдам тебя обратно, – мрачно предупредил Эдвард.

Я тяжело вздохнула.

– Вид у тебя испуганный, – засмеялся Каллен.

– Нет, – начала я, и голос предательски задрожал, – наверное, не испуганный, а удивленный. Чем все это вызвано?

– Говорю же, я устал притворяться, что мне все равно. Я сдаюсь. – Эдвард улыбнулся, но одними губами, золотисто-медовые глаза остались серьезными.

– Сдаешься? – непонимающе переспросила я.

– Да, больше не буду держать себя в ежовых рукавицах. С сегодняшнего дня делаю, что хочу, и будь что будет. – Улыбка погасла, а в голосе зазвучала грусть.

– Извини, я по-прежнему ничего не понимаю.

Губы снова растянулись в кривоватой улыбке.

– Когда я с тобой, всегда слишком много говорю, отсюда все проблемы.

– Не беспокойся, ведь мы, можно сказать, говорим на разных языках.

– На это я и рассчитываю!

– Короче говоря, мы друзья? – осторожно спросила я.

– Друзья?.. – с сомнением повторил Каллен.

– Да или нет?

Эдвард усмехнулся.

– Думаю, можно попробовать. Но, предупреждаю, я не самый подходящий друг. – Несмотря на улыбку, его голос звучал вполне серьезно.

– Ты что-то подобное уже говорил.

– Да, и это правда! Разумная девушка и близко ко мне не подошла бы...

– Кажется, у тебя уже сложилось мнение относительно моих интеллектуальных способностей.

Каллен сконфуженно улыбнулся.

– Итак, если разумной девушкой меня не назовешь, мы решили стать друзьями? – подытожила я странный (по крайней мере, для меня) диалог.

– Пожалуй, да.

Я растерянно смотрела на свои руки, лихорадочно сжимающие лимонадную бутылку.

– О чем ты думаешь? – с любопытством спросил Эдвард.

Заглянув в волшебные с золотыми крапинками глаза, я, словно на исповеди, выложила правду:

– Пытаюсь понять, кто ты такой.

Прекрасное лицо напряглось, но через секунду его осветила улыбка.

– И что у тебя вышло?

– Ничего вразумительного, – призналась я.

– Есть же какие-то догадки? Я залилась краской. За прошлый месяц я по несколько раз смотрела «Супермена» и «Человека-Паука» с Брюсом Уэйном и Питером Паркером, но не признаваться же в этом Каллену!

– Может, поделишься? – предложил Эдвард, подбадривая меня обворожительной улыбкой.

– Нет, мне слишком неловко, – покачала головой я.

– Вот это очень досадно!

– Вовсе нет, – подначила я парня. – Разве можно назвать досадным нежелание некоторых говорить то, что они на самом деле думают? Даже если кое-кто постоянно делает еле заметные намеки, роняет таинственные замечания, от которых потом не спится по ночам, разве это можно назвать досадным?

Эдвард криво улыбнулся.

– Или еще лучше, – продолжала я, давая выход накопившемуся раздражению, – когда человек совершает необъяснимые поступки: в один день спасает тебе жизнь при чрезвычайно странных обстоятельствах, а в другой вроде как и знать тебя не знает и не желает ничего объяснять, хотя обещал, – все это абсолютно нормально!

– А тебе палец в рот не клади!

– Просто не уважаю двуличных людей! Мы холодно смотрели друг на друга. Ни с того ни с сего Каллен захихикал.

– Ты что?

– Твой бойфренд решил, что я тебе докучаю, и теперь раздумывает – выбить мне зубы прямо сейчас или подождать конца перемены! – Эдвард снова захихикал.

– Не знаю, кого ты имеешь в виду, – ледяным тоном произнесла я, – но, уверяю тебя, ты ошибаешься.

– Вовсе нет. Помнишь, я говорил, что большинство людей как раскрытая книга?

– Насколько помню, я в их число не вхожу.

– Так и есть! – Эдвард задумчиво смотрел на меня. – Вот я и думаю, почему?

Не в силах выдержать его испытующий взгляд, я открыла бутылку с лимонадом и сделала большой глоток.

– Хочешь есть? – заботливо спросил Эдвард.

– Нет! – Не рассказывать же ему, что меня мутит от страха и неопределенности. – А ты? – Я многозначительно смотрела на пустой стол.

– Я не голоден, – ответил он и усмехнулся, будто я сморозила глупость.

– Можно попросить тебя об одолжении?

– Смотря о каком, – настороженно проговорил Каллен.

– Ничего особенного я не попрошу, – заверила я.

Эдвард с явным интересом ждал моей просьбы.

– Пожалуйста, не мог бы ты предупреждать перед тем, как снова решишь меня не замечать? Это очень облегчит мне жизнь. – Я волновалась и чертила круги на поверхности лимонадной бутылки.

– Вполне разумно, – отозвался Эдвард, плотно сжав губы, будто с трудом сдерживал смех.

– Спасибо!

– У меня тоже есть одна просьба.

– Хорошо, но только одна!

– Скажи, кто, по-твоему, я такой? Упс!

– Нет, только не это!

– Ты обещала выполнить одну просьбу без ограничений, – напомнил он.

– А ты сам никогда не нарушал обещаний?

– Пожалуйста, хотя бы одно из твоих предположений, я не буду смеяться, честно!

– Нет, точно будешь! – В этом я нисколько не сомневалась.

Эдвард потупился и умоляюще взглянул на меня из-под опущенных ресниц.

– Ну пожалуйста...

Я молчала, почти поддавшись его воле. Боже, что он со мной творит?!

– Чего ты хочешь?

– Хоть одну из догадок! – Золотистые глаза прожигали меня насквозь.

– Тебя укусил радиоактивный паук?

Неужто он меня гипнотизирует? Или я просто слабовольная тряпка?

– Маловероятно.

– Прости, это все, что я могу предположить, – обиженно сказала я.

– Пока что не тепло, – распалял меня Эдвард. Хорошо хоть смеяться перестал!

– Значит, пауки тут ни при чем?

– К сожалению.

– И радиация тоже?

– Увы!

– Вот черт!

– Представляешь, дело даже не в криптоните! – усмехнулся он.

– Ты же обещал не смеяться! – напомнила я. – Со временем я во всем разберусь.

– Это совершенно необязательно, – неожиданно серьезно проговорил Каллен.

– Почему?

– А что если я вовсе не супермен, и тебя ждет разочаро-

вание? – Эдвард улыбнулся, однако его глаза остались мрачными.

– Да, понимаю, – задумчиво протянула я.

– Правда? – Его лицо вдруг стало напряженным, будто он пожалел, что сболтнул лишнее.

– Наверное, ты человек опасный? – предположила я, задумчиво поднимая одну бровь.

По лицу Каллена было ясно, что он испытывает противоречивые чувства.

– Опасный, но не плохой, – шептала я, качая головой. – Не верю, что ты можешь быть плохим.

– Ошибаешься, – чуть слышно произнес Эдвард, опустил глаза и, взяв со стола крышку от лимонада, стал задумчиво вертеть ее в руках.

Мы молчали, пока я не заметила, что в столовой никого нет.

– Опоздаем! – закричала я, неловко вскочив на ноги.

– Я не иду на биологию! – заявил Каллен, быстро крутя крышку между пальцами.

– Почему? – удивилась я.

– Прогуливать иногда полезно, – невесело усмехнулся Эдвард.

– Ну, а я пошла, – проговорила я. Получать нагоняй за прогулы совсем не хотелось.

– Ладно, пока, – сказал он, не сводя глаз с крышки.

Развернуться и уйти от него было совсем непросто, но тут

зазвенел звонок, а Эдвард даже не шелохнулся.

Я понеслась в класс. Мысли кружились еще быстрее, чем крышка в длинных белых пальцах. На некоторые вопросы у меня появились ответы, но они мало проясняли ситуацию. Хорошо хоть дождь перестал.

Мне повезло, в класс я попала чуть раньше мистера Баннера. Пробираясь к своей парте, я ловила на себе взгляды Майка и Анжелы. Ньютон выглядел обиженным, а Анжела – сильно удивленной.

Через секунду в класс вошел мистер Баннер с маленькими картонными коробками в руках. Положив коробки на парту Майка, он велел ему их раздать.

– Итак, рассмотрим содержимое коробок, – начал учитель, усаживаясь за свой стол. – Первой лежит карта-индикатор, – объявил он, показывая белую карточку с четырьмя квадратами. – Вторым – аппликатор с четырьмя зубцами. – Баннер извлек нечто, весьма похожее на старый гребень. – И, наконец, стерильный микроланцет. – Он достал пластиковый пакет и вскрыл.

Тонкий металлический шип не был виден на расстоянии, но мой желудок предательски сжался.

– Сейчас я пройду по классу и смочу ваши карты водой из пипетки, так что пока прошу не начинать.

Баннер подошел к парте Майка и аккуратно капнул на каждый из четырех квадратов сигнальной карты.

– Когда смочу карту, нужно аккуратно уколоть палец лан-

цетом... – Схватив руку Майка, мистер Баннер быстро кольнул его указательный палец. О нет! Мой лоб стал липким от пота.

– Нанесите по капельке на каждый зубец аппликатора... – Учитель сжимал палец Ньютона, пока не потекла кровь. Я судорожно глотнула, чувствуя, как по пищеводу поднимается завтрак.

– Затем приложите аппликатор к карте...

В ушах звенело, голос учителя доносился будто сквозь толстый слой ваты.

– На следующей неделе Красный Крест приедет собирать донорскую кровь. Тем, кто захочет участвовать, будет полезно узнать свою группу крови, – бодро продолжал мистер Баннер. – Всем, кому еще нет восемнадцати, понадобится разрешение родителей. Формуляры у меня в столе.

Баннер медленно двигался по классу с пипеткой в руках. Борясь с дурнотой, я опустила голову на черный пластик стола. Казалось, весело галдящие одноклассники находятся в другом мире! Я старалась дышать медленно и ровно.

– Белла, как ты себя чувствуешь? – испуганно спросил учитель, подходя к моей парте.

– Мистер Баннер, я знаю свою группу крови, – чуть слышно ответила я, боясь поднять голову.

– Тебе плохо?

– Да, сэр, – прошептала я. Зачем только я пошла на биологию!

– Может кто-нибудь проводить Беллу в медпункт? – громко спросил мистер Баннер.

Естественно, помочь мне вызвался никто иной, как Майк.

– Дойдешь? – с сомнением спросил мистер Баннер.

– Да, сэр! – прошелестела я. Только выпустите меня отсюда, и я доползу!

Майк бережно обнял меня за плечи и повел в медпункт. Мы вышли во двор, и, убедившись, что за нами не следит мистер Баннер, я остановилась.

– Посижу здесь немного, ладно?

Ньютон помог мне присесть на поребрик.

– Только палец мне свой не показывай! – попросила я. Чтобы хоть как-то унять головную боль, я прилегла на поребрик и коснулась щекой прохладного бетона. Немного полегчало.

– Боже, ты совсем зеленая, – испуганно прошептал Майк.

– Белла? – откуда-то издалека позвал знакомый голос. О нет, только не он, мне послышалось!

– Что случилось? Ей плохо? – Не послышалось!.. Я крепко зажмурилась, мечтая умереть. Или хотя бы, чтобы меня не вырвало!

– Она чуть не потеряла сознание, – дрожащим голосом рассказывал Майк. – Не знаю, почему так вышло, ведь она даже палец не уколола!

– Белла! – уже спокойнее позвал Каллен. —

Ты меня слышишь?

– Нет, – застонала я, – убирайся! Эдвард усмехнулся.

– Я вел ее в медпункт... Но она не может идти!

– Я сам отведу ее, – объявил Эдвард. – Возвращайся в класс.

– Нет, – заупрямился Майк, – это мне велели ее отвести!

Внезапно меня оторвало от поребрика, и в немом ужасе я раскрыла глаза. Эдвард поднял меня на руки, словно я весила пять килограммов, а не пятьдесят пять.

– Отпусти меня! Отпусти! – закричала я. Господи, пожалуйста, пусть меня на него не вырвет!

Каллен будто не слышал моих воплей.

– Эй! – окликнул его Майк, отставший уже на целых десять шагов, но Эдвард не обратил на него внимания.

– Ты ужасно выглядишь, – усмехнулся он.

– Пожалуйста, отпусти меня, – чуть не плакала я. Меня так сильно мутило!..

Будто прочитав мои мысли, Каллен понес меня на вытянутых руках, не прижимая к груди, и все это без видимых усилий!

– Значит, не выносишь вида крови? – спросил он. Похоже, происходящее искренне его забавляло.

Крепко зажмурившись, я из последних сил боролась с тошнотой.

– Причем, вида чужой крови! – не унимался Эдвард, смакуя каждое слово.

Неизвестно, как он открыл дверь, ведь руки у него были

заняты. Стало очень тепло, и я поняла, что мы в медпункте.

– О боже! – воскликнул женский голос.

– Она упала в обморок на уроке биологии, – объяснил Эдвард.

Я нерешительно открыла глаза. Мы были в медпункте. Каллен, как ни в чем не бывало, расхаживал перед стойкой, и это со мной на руках!.. Миссис Коуп, молодая рыжеволосая медсестра, раскрыла дверь в процедурную, а седая санитарка восторженно смотрела на юношу, который легко пронес меня через весь коридор и бережно положил на кушетку, покрытую хрустящей крахмальной простыней. С чувством выполненного долга он отошел за перегородку и присел на стульчик.

– Ее просто мутит, – успокаивал испуганную санитарку Эдвард. – Они определяли группы крови...

– Ну, девушки часто боятся крови, – глубокомысленно вздохнула санитарка. – Просто полежи минутку, милая, и все пройдет!

– Знаю, – вздохнула я. Тошнота уже отступала.

– И часто с тобой такое? – допытывалась санитарка.

– Бывает, – призналась я.

Каллен снова захихикал.

– Можешь возвращаться на урок, – сказала ему женщина.

– Мне велели остаться с ней! – Слова Каллена прозвучали столь убедительно, что санитарка не стала спорить, только недовольно поджала губы.

– Принесу тебе грелку со льдом, – пообещала мне она и вышла из процедурной.

– Ты был прав, – простонала я.

– Я часто оказываюсь прав. В чем на этот раз?

– Прогуливать иногда полезно, – размеренно дыша, напомнила я.

– Я так перепугался, увидев вас во дворе, – нехотя сообщил Эдвард, будто признаваясь в постыдной слабости. – Думал, Ньютон тащит твой хладный труп, чтобы закопать в лесу!

– Очень смешно, – не открывая глаз, отозвалась я. Силы возвращались ко мне с каждой минутой.

– Я серьезно! Даже у покойников цвет лица обычно лучше. Я подумал, что Ньютон тебя извел, и решил отомстить!

– Бедный Майк! Он так перепугался.

– Он ненавидит меня всем сердцем! – радостно сообщил Каллен.

– Откуда ты знаешь? – начала спорить я, а потом испугалась, что он прав.

– Раскрытая книга, забыла?

– Как ты нас увидел? Ты же прогуливал! – Наверное, слабость проходила бы быстрее, если бы я что-нибудь съела за ленчем. Впрочем, мне очень повезло, что желудок оказался пустым.

– Я сидел в машине и слушал диск, – с готовностью ответил Каллен.

Дверь открылась – санитарка принесла холодный компресс, который положила мне на лоб.

– Ну вот, – протянула она, – тебе уже лучше!

– Со мной все в порядке! – заявила я и попыталась сесть. Голова не болела, мятно-зеленые стены не кружились перед глазами, лишь немного звенело в ушах.

Сиделка собиралась снова уложить меня на кушетку, но в этот момент в процедурную заглянула миссис Коуп.

– Еще один гость! – предупредила она.

Я поспешила освободить место.

– Спасибо, мне больше не нужно, – поблагодарила я, сдирая со лба компресс и протягивая санитарке.

Тяжело дыша, Майк ввел мертвенно-бледного Ли Стивенса, на биологии сидевшего за соседней партой.

Мы с Эдвардом попятились, освобождая место.

– О нет, – пробормотал Эдвард. – Белла, тебе лучше выйти в приемную.

Я смотрела на него, крайне обескураженная.

– Выйди, прошу тебя.

Ничего не ответив, я вышла из процедурной. Кал-лен вышел следом.

– Неужели ты меня послушалась? – с наигранным удивлением спросил он.

– Просто почувствовала запах крови, – поморщила нос я. Наверняка Стивенс успел проколоть себе палец.

– Люди не чувствуют запаха крови, – не поверил мне Кал-

лен.

– Я чувствую, меня от него тошнит. Кровь пахнет ржавчиной... и солью.

В глазах Эдварда застыло престранное выражение.

– Что такое? – поинтересовалась я.

– Так, ничего.

В приемную вышел Майк и встал неподалеку, глядя то на Эдварда, то на меня. Судя по всему, Кал-лен прав: когда Ньютон на него смотрел, голубые глаза темнели от ненависти. Похоже, мое поведение Майка тоже не радовало.

– По-моему, тебе лучше, – мрачно заметил он.

– Только палец свой не показывай, ладно, – попыталась пошутить я.

– Кровь давно остановилась, – без тени улыбки отозвался Майк. – Идешь на биологию? – с сомнением спросил он.

– Ты шутишь? Поспорим, что через пять минут я снова отключусь?

– Да уж, не стоит. А в Ла-Пуш поедешь? – спросил Майк, окидывая свирепым взглядом Эдварда, античной статуей в задумчивости застывшего у заваленной бумагами стойки.

– Конечно, поеду! – В эти два слова я постаралась вложить как можно больше уверенности.

– Встречаемся в десять в магазине моего отца. – Майк бросил на Каллена подозрительный взгляд, словно опасаясь, что тот подслушал секретную информацию. Приглашать Эдварда он вовсе не собирался.

- Договорились!
- Увидимся на физкультуре.
- До скорого, – отозвалась я.

Майк еще раз посмотрел на меня с явной обидой, а выйдя на крыльцо, сгорбился словно старик. Меня тут же захлестнули волны жалости. Еще один урок в его обществе.

– Физкультура! – чуть слышно застонала я.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – пообещал Эдвард. – Сядь на стул и сделай вид, что тебе плохо.

Ну, это несложно. Бледной я была всегда, а сейчас еще и лоб блестел от пота. Очень кстати. Я опустила на скрипучий стул, прислонила голову к стене и закрыла глаза.

Вдруг послышался негромкий голос медсестры.

– Да, мистер Каллен? – Оказывается, миссис Коуп уже вернулась в приемную.

– У Беллы сейчас физкультура, но, мне кажется, для баскетбола она слишком слаба. Думаю, ей лучше поехать домой. Не могли бы вы написать освобождение? – Голос Каллена был подобен тающему меду. Представляю, как он смотрит медсестре в глаза!

– Полагаю, тебе освобождение тоже понадобится, да, Эдвард? – любезно предложила миссис Коуп.

– Нет, спасибо! У меня философия с миссис Гофф.

– Значит, все в порядке, – подытожила медсестра. – Белла, тебе лучше?

Я слабо кивнула, стараясь не переиграть.

– Сможешь дойти до стоянки, или взять тебя на руки? – Эдвард повернулся к медсестре спиной, в золотистых глазах плясали бесенята.

– Дойду.

Я медленно встала, голова больше не кружилась.

Приторно улыбаясь, Каллен раскрыл передо мной дверь. На улице моросило. В первый раз в жизни я радовалась дождю – свежие прохладные капли смывали с лица липкий пот.

– Спасибо! – поблагодарила я Эдварда. – Стоило попасть в медпункт ради того, чтобы пропустить физкультуру!

– Не за что! – Каллен быстро шел к стоянке.

– Поедешь со мной в субботу? – с надеждой спросила я. Конечно, он вряд ли согласится. Не представляю, что Каллен поедет в одной машине с Майком и компанией, он ведь совсем другой!.. Но можно же помечтать. Первый раз я подумала о поездке к океану с радостью.

– Куда именно вы едете? – поинтересовался Эдвард, безучастно глядя перед собой.

– В Ла-Пуш, на дикий пляж! Золотисто-медовые глаза чуть сузились.

– Меня не приглашали. А он, оказывается, зануда!

– Я только что тебя пригласила.

– Думаю, на этой неделе нам с тобой больше не стоит мучить старину Ньютона, а то вдруг кусаться начнет. – В глазах Эдварда загорелись огоньки.

– Бедный Майк, – пробормотала я, а в голове засели сло-

ва «нам с тобой». Мне они понравились куда больше, чем хотелось бы.

Вот уже и стоянка! Я повернула налево, к своему пикапу, но кто-то сильно дернул меня за рукав.

– Куда направилась? – возмущенно спросил Эдвард, крепко держа меня за руку.

– Домой, – в полном замешательстве ответила я.

– Ты что, не слышала: я обещал лично тебя отвезти! Думаешь, я позволю тебе сесть за руль в таком состоянии?

– В каком еще состоянии? А что будет с моим пикапом? – продолжала недоумевать я.

– Элис пригонит после уроков. – Он поволок меня к своей машине, словно беглую корову! Попробуй убежать, прищипит за шиворот!

– Отпусти! – тщетно потребовала я.

Вот, наконец, и «вольво». Эдвард отпустил мою руку и подтолкнул к передней дверце.

– Ты такой бесцеремонный!

– Дверь открыта, – прозвучало в ответ.

– Я прекрасно могла доехать сама! – продолжала ворчать я. Дождь пошел сильнее, капюшон я не надела, так что с волос ручьем текла вода.

– Садись в машину, Белла. – Эдвард опустил стекло и тянулся ко мне через сиденье.

Я не шелохнулась. Интересно, успею я добежать до пикапа, прежде чем он меня поймает? Боюсь, что нет...

– Я притащу тебя обратно! – пообещал Эдвард, словно читая мои мысли.

Изображая поруганное достоинство, я села в машину. По моему, я больше напоминала мокрую кошку в скрипучих сапогах.

– Вот это уже слишком, – чопорно проговорила я.

Каллен не ответил. Он завел мотор, включил печку и негромкую музыку. Я решила, что не стану с ним разговаривать, и обиженно надулась. Но тут я узнала музыку, и мои планы изменились.

– «Лунный свет»?

– Ты знаешь Дебюсси? – Эдвард искренне удивился.

– Не очень хорошо. Моя мама любит классику, а я знаю только те вещи, которые мне нравятся.

– Я тоже люблю Дебюсси, – отозвался Каллен, задумчиво глядя на дождь.

Расслабившись на мягком кожаном сиденье, я вслушивалась в знакомые, умиротворяющие аккорды. Дождь окрасил пейзаж за окном в серо-зеленые тона. Машина двигалась так ровно, что скорость чувствовалась разве что по проносившимся мимо огням светофоров.

– Расскажи о своей маме! – неожиданно попросил Эдвард.

Оказывается, он уже перестал злиться и смотрел на меня с явным интересом.

– Внешне мы очень похожи, только она красивее. Во мне слишком много от Чарли. Она гораздо общительнее и без-

рассуднее. Довольно безответственна и эксцентрична, любит экспериментировать. Я считаю ее своей лучшей подругой.

– Сколько тебе лет, Белла? – Почему-то голос Эдварда звучал расстроено. Машина остановилась – оказывается, мы уже приехали! Дождь был настолько сильным, что я едва разглядела дом. Такое впечатление, что мы не в машине, а в подводной лодке.

– Семнадцать, – удивленно ответила я.

– Тебе не дашь семнадцати!

– Правда? А сколько дашь? – рассмеялась я. – Мама часто говорит, что я родилась тридцатилетней, а теперь и до пенсии недалеко... Ну, кому-то же нужно быть взрослым! – Я помолчала и добавила: – Знаешь, ты и сам не слишком похож на школьника!

Он скорчил недовольную физиономию и поспешил сменить тему.

– Так почему твоя мать вышла за Фила?

Удивительно, что он запомнил имя, ведь я упоминала отчима лишь однажды, почти два месяца назад.

– В душе мама слишком молода для своего возраста. А с Филом она чувствует себя еще моложе. Так или иначе, она от него без ума. – Я пожала плечами.

Если честно, не понимаю, как можно потерять голову из-за такого, как Фил.

– Ты одобряешь их брак?

– Одобряю или нет, какая разница? Мама заслуживает

счастья, а ее счастье – это Фил.

– Надо же, какое благородство...

– Что?

– Как ты думаешь, повела бы она себя так же по отношению к тебе? Смогла бы принять твой выбор, каким бы он ни был? – Эдвард буквально впился в меня глазами.

– Думаю, да. Но она мать, с ней все немного иначе.

– Значит, она готова к любым кандидатам, даже самым жутким?

– Смотря кого считать жутким! – ухмыльнулась я. – Парня с пирсингом на лице и татуировками?

– Ну, можно и так определить.

– А какое определение дашь ты?

Мой вопрос Эдвард пропустил мимо ушей, зато тут же задал свой.

– А меня ты считаешь жутким? – Он игриво изогнул бровь.

Я замолчала, не зная, что расстроит его больше, правда или ложь. Лучше сказать правду!

– Хмм... Ты бываешь жутким, когда хочешь!

– Боишься меня? – Улыбка исчезла, прекрасное лицо стало серьезным.

– Нет, – поспешно ответила я, и он снова улыбнулся.

– Ну, теперь ты расскажешь мне о своей семье? – поспешно спросила я. – Уверена, твоя история гораздо интереснее моей.

– Что ты хочешь знать? – Эдвард тут же насторожился.

– Каллены тебя усыновили?

– Да.

– Что случилось с твоими родителями?

– Умерли много лет назад, – сухо сказал он.

– Прости, – прошептала я.

– Я их почти не помню и родителями считаю Карлайла и Эсми.

– Ты их любишь, – констатировала я. Все было ясно по тону, каким он о них говорил.

– Да, – улыбнулся Эдвард, – не могу представить родителей лучше.

– Тебе повезло.

– Знаю.

– А братья и сестры?

Эдвард взглянул на встроенные в приборный щиток часы.

– Брат с сестрой, и Кэри с Розали не обрадуются, если придется мокнуть под дождем.

– Да, конечно, тебе пора! – воскликнула я.

– А тебе, наверное, хочется, чтобы пикап пригнали прежде, чем шеф Свон вернется домой. Тогда можно не рассказывать о том, что случилось на биологии, – усмехнулся Эдвард.

– Думаю, он уже знает. В Форксе секретов не бывает, – вздохнула я.

– Ладно, желаю удачной поездки в Ла-Пуш! Надеюсь, с

погодой вам повезет, и вы загорите!

– Значит, ты к нам не присоединишься?

– Нет, мы с Эмметтом сегодня уезжаем.

– Куда, если не секрет? Мы ведь друзья, значит, я имею право спрашивать! – Надеюсь, в моем голосе не было слышно разочарования.

– В скалы к югу от горы Ренье.

Я вспомнила, как Чарли рассказывал, что Каллены часто ездят на природу.

– Ну, отдохни хорошенько, – бодро пожелала я. Хотя провести его не удалось – на ярких губах заиграла лукавая улыбка.

– Могу я кое о чем тебя попросить? – Медовые с золотыми крапинками глаза прожигали насквозь.

Я безвольно кивнула.

– Не обижайся, но ты, по-моему, просто магнит для несчастных случаев! Постарайся не свалиться в океан и не попасть под машину, ладно? – усмехнулся Эдвард.

Медленно приходя в себя, я окинула его разъяренным взглядом.

– Очень постараюсь, – надменно проговорила я и открыла дверцу. Косые струи дождя тут же намочили кожаные сиденья, и я побежала к дому.

Глава шестая

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

Я сидела в своей комнате, пытаясь сосредоточиться на третьем акте «Макбета», но на самом деле вся обратилась в слух, надеясь услышать рев мотора своего пикапа. Совершенно напрасно, ведь на улице шел сильный дождь.

В пятницу мне страшно не хотелось идти в школу, и мои наихудшие ожидания оправдались. Все только и говорили о моем вчерашнем обмороке. Особое удовольствие в этой истории находила Джессика. К счастью, у Майка хватило деликатности умолчать об участии Эдварда. Вопросов у Джессики и без того хватало.

– Так зачем тебя позвал Каллен? – спросила она на тригонометрии.

– Не знаю, – искренне ответила я. – Он так и не объяснил.

– У тебя был такой вид!.. – подначила она.

– Какой? – спокойно уточнила я.

– Ну, я тебя понимаю! Он ведь никогда не сидел ни с кем, кроме своих родственников! Есть от чего потерять голову!

– Да, пожалуй! – согласилась я.

Джессика раздраженно теребила темные кудри, наверняка надеясь, что я подброшу ценный материал для сплетен.

Всю пятницу я страшно на себя злилась: ведь прекрасно

знала, что Эдварда сегодня не будет, но продолжала ждать. Войдя в столовую вместе с Джессикой и Майком, я не смогла не взглянуть на заветный столик, а вспомнив, что увижу Эдварда только в понедельник, совсем скисла.

За нашим столиком обсуждалась предстоящая поездка. Майк пребывал в отличном настроении: местные метеорологи обещали завтра ясную погоду. Я была настроена менее оптимистично – сначала увижу, потом поверю. Хотя сегодня было уже потеплее, градусов пятнадцать. Кто знает, вдруг поездка пройдет неплохо?

Во время ленча я перехватила несколько недружелюбных взглядов Лорен, смысл которых до меня дошел, лишь когда мы вместе направились к выходу. Я шла следом за ней, почти касаясь ее гладких серебристых волос.

– Не понимаю, почему *Белла*, – насмешливо произнесла мое имя Лорен, – сидит с нами, а не с Калленами!

Никогда не замечала, какой неприятный у нее голос! За что она на меня злится? Делить-то нам нечего.

В тот вечер за ужином Чарли с неподдельным интересом расспрашивал меня о поездке в Ла-Пуш. Похоже, он чувствует себя виноватым, что все выходные я сижу одна. Однако его привычки сложились слишком давно, чтобы менять их сейчас. Естественно, он знал имена всех, кто поедет со мной, а также их родителей, бабушек и дедушек. Значит, счел моих попутчиков достойными. Интересно, одобрил бы

он поездку в Сиэтл с Эдвардом Калленом? Конечно же, говорить о ней я не собиралась.

– Папа, ты знаешь скалы к югу от горы Ренье? – как бы между прочим спросила я.

– Да, а что?

– Ребята из нашей школы собрались туда в поход.

– Не лучшее место для походов, – отметил Чарли. – Много медведей. Туда чаще ездят охотиться.

– Ясно, – пробормотала я. – Значит, я что-то напутала.

В субботу мне хотелось поспать подольше, но мешал яркий свет, лившийся в окна. Не веря своим глазам я бросилась к окну. Да, действительно солнце!.. Горизонт облепили облака, но между ними голубело чистое небо.

Магазин «Олимпийская экипировка Ньютонов» находился к северу от города. Его я уже видела, хотя никогда не заходила, потому что активный отдых на свежем воздухе особо меня не привлекает. На стоянке я увидела «шевроле» Майка и «ниссан» Тайлера. Так, Эрик тоже на месте – с двумя другими парнями из класса, которых, насколько я помнила, звали Бен и Коннер. Пришла и Джесс, вместе с Анжелой и Лорен, а с ними еще три девчонки. Одна из них многозначительно на меня посмотрела и что-то прошептала Лорен. Та потрянула серебряной гривой, а из васильковых глаз полилось презрение.

Да, меня ожидает чудесный денек!

Зато мне очень обрадовался Майк.

– Ты пришла! – радостно закричал он. – Я ведь говорил, что сегодня будет ясно!

– Я же обещала прийти!

– Значит, ждем только Ли и Саманту... если ты кого-нибудь не пригласила, – осторожно добавил Майк.

– Нет, – соврала я, не опасаясь, что меня уличат во лжи. А может, случится чудо, и Эдвард появится? Ради этого я была даже готова стать обманщицей в глазах Ньютона.

Майк вздохнул с облегчением.

– Поедешь на моей машине или в фургоне Ли?

– Конечно, на твоей.

Майк довольно улыбнулся, его нетрудно обрадовать.

– Будешь моим штурманом, – пообещал он.

Я попыталась скрыть досаду – непросто угодить Майку и Джессике одновременно. Девушка уже смотрела на нас с негодованием.

Однако все сложилось как нельзя лучше. Ли привел еще двоих парней, так что места в фургоне не хватило. Мне удалось вклинить Джесс в «шевроле» между собой и Майком к вящему неудовольствию последнего. Зато Джессика обрадовалась!

От Форкса до Ла-Пуш всего пятнадцать миль по дороге, вьющейся среди леса вдоль неспешно текущей реки. Как хорошо, что я села у окна! В «шевроле» вдевятиером было немного тесно, и, открыв окно, я подставила лицо робким лучам солнца.

Навещающая Чарли, я часто бывала в Ла-Пуш, поэтому хорошо знала длинную, в форме полумесяца, косу Первого пляжа. Вид был потрясающий: темные даже в ярком солнечном свете волны с белыми шапками поднимались к каменистому пляжу. Седые воды бухты были усеяны скалистыми островами, поросшими высокими елями. Песка на пляже было совсем немного, только у самой воды, а дальше – камни, которые издалека казались однообразно серыми, хотя на самом деле поражали богатством оттенков: терракотовые, бирюзовые, лавандовые, цвета кобальта и тускло-золотые. На берегу валялись огромные прибитые волнами деревья, выбеленные морской солью.

Свежий ветер сильно пах йодом. Над волнами кружили пеликаны, а высоко в небе – одинокий орел. Туч прибавилось, они потемнели, грозя испортить погоду и наше настроение, но на нежно-голубом островке храбро светило солнце, зажигая в сердцах надежду.

Мы вышли из машины, и Майк, очевидно, бывавший здесь не раз, повел нас к кострищу, сложенному из сосновых стволов. Судя по всему, местные жители любят приезжать сюда на пикник. Эрик и парень, которого, кажется, звали Бен, собрали ветки посуше и уложили их над старыми углями в виде конуса.

– Ты когда-нибудь видела сплавной лес? – спросил Майк.

Я сидела на выбеленной до кремового цвета сосне, оживленно хихикающие девицы – рядом. Майк склонился над

кострищем и поджег небольшую веточку чем-то похожим на зажигалку. Пламени было как от сварочной горелки!

– Нет, – ответила я, наблюдая, как он укладывает пылающую ветку в середину конуса из хвороста.

– Тогда тебе будет интересно – смотри на цвета! – Он поджег вторую ветку и уложил рядом с первой. Сухой хворост мгновенно занялся.

– Пламя синее! – изумилась я.

– Это из-за соли. Здорово, правда? – Майк поджег еще одну ветку, бросил в костер и сел рядом со мной. К счастью, по другую сторону от него тут же возникла Джесс и бойко о чем-то затараторила.

Я тихо сидела, наблюдая, как потрескивает сине-зеленое пламя, а искры взлетают к небу.

Поболтав часа полтора, парни решили исследовать местные заводы. Хочется ли мне с ними, я не знала. С одной стороны, в детстве я обожала играть на мелководе и, навещая Чарли, каждый раз с нетерпением ждала поездки на пляж. С другой стороны, пару раз я попадала в глубокие ямы, спотыкалась и падала, до смерти пугаясь. Помню, Чарли с трудом удавалось меня успокоить! Да еще и Эдвард просил не свалиться в океан.

Принять решение помогла Лорен. Идти пешком ей не хотелось – конечно, на таких каблуках в лесу не погуляешь! Анжела и еще несколько девочек решили остаться с ней у костра. Охранять их поручили Тайлеру и Эрику, а я, резво

поднявшись, к бесконечной радости Майка присоединилась к тем, кто шел к заводам.

Идти оказалось недалеко, но, когда высокие деревья заслонили солнце, мне стало не по себе. Рассеянный зеленый свет плохо сочетался со смехом и скабрёзными шутками моих спутников. Я шла не спеша, осторожно перебираясь через торчащие корни, и быстро отстала. Вскоре мы выбрались на опушку леса и снова увидели каменистый пляж. Начался отлив, и ручейки стремительно неслись к морю. В низинах образовались небольшие заливы, в которых кипела жизнь.

Памятуя о своих давних приключениях, я вела себя очень осторожно. А вот мои спутники веселились вовсю, перепрыгивая со скалы на скалу. Я присела на крупный, прочный на вид камень у самой большой заводи и стала наблюдать за тем, что творится в голубоватой воде. Невидимое течение колыхало блестящие полупрозрачные анемоны, по каменистому дну ползали крабы, у берега лепились морские звезды, среди ярко-зеленых водорослей сновал маленький черный угорь с белой полоской на спине... Жизнь естественного аквариума захватила меня, и все же я ни на секунду не забывала Эдварда, думая, где он и что бы сказал, окажись сейчас рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.